

АНТОНОВ А. И.

ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ

Александр Антонов

Великий государь

«Алгоритм»

1994

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Антонов А. И.

Великий государь / А. И. Антонов — «Алгоритм», 1994

ISBN 978-5-501-00187-9

Александр Ильич Антонов (1924–2009) родился на Волге в городе Рыбинске. Печататься начал с 1953 г. Работал во многих газетах и журналах. Член Союза журналистов и Союза писателей РФ. В 1973 г. вышла в свет его первая повесть «Снега полярные зовут». С начала 80-х годов Антонов пишет историческую прозу. Он автор романов «Великий государь», «Князья веры», «Честь воеводы», «Русская королева», «Императрица под белой вуалью» и многих других исторических произведений; лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» за 2003 г. В этой книге публикуется роман «Великий государь», рассказывающий о событиях Смутного времени на Руси в начале XVII столетия. В центре повествования личность патриарха всея Руси Филарета, в миру боярина Федора Романова, отца Михаила – первого русского царя из рода Романовых. Это был не только крупный религиозный и государственный деятель, но и человек, проживший жизнь, полную опасностей и приключений.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00187-9

© Антонов А. И., 1994
© Алгоритм, 1994

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Глава пятая	37
Глава шестая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Антонов

Великий государь

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2012

© ООО «РИЦ Литература», 2012

* * *

Глава первая

Опала

Они стояли друг против друга как бойцы, готовые сойтись в рукопашном бою. Да силы были неравными. Царь Борис Годунов, усохший за последние три года, во всем уступал богатырской стати первого боярина России, князя Федора Романова. Князь-боярин стоял перед государем, возвышаясь над ним почти на голову. Широкие плечи развернуты, грудь полна мощи, а руки, которые он упирал в бока, таили бойцовскую силу. И атласный пояс под руками, затянутый по бедрам, тоже был из тех, что повязывают бойцы перед схваткой.

Глядел Федор Никитич на Бориса Федоровича гордым и независимым взглядом темно-серых глаз, и голова его была высоко вскинута, отчего высокий лоб с крутыми надбровьями казался еще выше. И стоило Федору сделать одно движение руками, схватить Бориса за грудь, он легко был бы распластан на мраморных плитах малого тронного зала, где случилось сойтись государю Борису Годунову и боярину Федору Романову, в прежние юношеские годы неразлучным друзьям.

Ан не дано было сойтись князю с царем в честном бою, потому как в сей час Борис не хотел этого боя, да и сила была в руках у него большая, чем у Федора. И царю нужно было лишь сделать легкий жест рукой, как два могучих царских рынды-телохранителя схватили бы князя и скрутили ему руки.

И сошлись они в середине малого тронного зала только потому, что царь Борис в присутствии множества вельмож, кои стояли за его спиной, был намерен обвинить боярина Федора Романова в измене и покушении на его жизнь. И с этой целью он собрал в свой дворец многих именитых думных бояр, князей, думных дьяков и архиереев, толпившихся в глубоком молчании и ожидавших развязки этого поединка.

Впереди толпы стояли бояре-князья Шуйские, Василий и Дмитрий, именитый боярин князь Федор Мстиславский, царский дядя боярин Семен Годунов и думный дьяк Василий Щелкалов. А за их спиной, стараясь быть незамеченным, стоял ключник боярина Александра Романова, брата Федора, Бартенев второй, главный свидетель обвинения.

Несколько дней назад черные слуги Разбойного приказа, который возглавлял боярин Семен Годунов, по навету Бартенева налетели на московские палаты князей Романовых в Китай-городе на Варварке, учинили обыск и нашли мешок кореньев – отравное зелье – в каморе у князя Александра и по приказу Семена Годунова арестовали весь род Никитичей от мала до велика. В те же дни, как началось следствие, по всей Москве были схвачены все, кто по родству и свойству был близок к дому Романовых. Арестовали князей Салтыковых, Сицких, Черкасских, Шереметевых. Все они теперь сидели в кремлевских тюрьмах и казематах, которые восстановил Борис Годунов после смерти милосердного царя Федора.

Царь Борис Годунов не спешил выносить приговор Федору Романову и его брату Александру. Он знал, что за него это сделают суд и Боярская дума, а все утвердят архиереи и патриарх. Но царю не терпелось унижить Федора Романова. Он жаждал увидеть, как спадет с лица недруга гордыня, как тот слезно будет молить о пощаде, о милосердии. «Да не дождешься ты моего милосердия. Многажды был тобою уязвлен, теперь получи долг сполна», – подумал царь Борис и спросил Федора:

– Зачем вы, Романовы, искали моей смерти? Зачем посягали на жизнь царя и помазанника Божия?!

– Господь Бог свидетель, мы не искали тебе порухи, государь, – ответил Федор.

– Как же не искали? Вон твой слуга, коего ты отдал брату, скажет, как было дело. – И царь повернулся к своему дяде. – Дядюшка Семен, спроси у Бартенева, чьей волей он привез из костромской вотчины отравное зелье, какого злого умысла для прятали коренья?

Бартенев не стал дожидаться, когда его переспросит об этом же боярин Семен, а вышел вперед и ответил царю:

– Государь-батюшка, дал мне наказ ехать в костромскую вотчину князь Александр Никитич и говорил: воля моя и брата Федора Никитича привезти тебе из села Домнино коренья. И я привез, а какие они – не ведал, потому как в мешке покоились.

Тут сказал свое слово боярин Семен Годунов:

– Ты говори все изначально. Как ты попал на подворье Романовых?

– Они искали верного человека. Я им и показался. Да обмишулились, потому как я, раб Божий, верный слуга государя-батюшки...

Князь Федор не слушал. Он знал, что все сказанное Бартеневым измышление и навет. Он знал также, что «проныр лукавый», как в душе называл Федор Бориса Годунова, пытался перехитрить себя. «Ведает же лукавый, что многие бояре лишь терпят его, – размышлял Федор, – и, чуя глухой ропот бояр, Бориска ищет от них защиту, дабы оградить себя от козней. О, лучшей защиты, чем опала, не найдешь. И хитрости Бориске не занимать. Он же плевницами опутал и тайным надзором высветил всех, кого боится. Он вовлек в сей надзор боярских холопов, и те доносят на своих господ. Он не случайно дал волю ушкунникам и оборотням, выпустив их из тюрем. И теперь они шныряют-шастают по московским дворам, подслушивают, что говорят о царе, и несут все Семену или хватают хулителя, тащат в застенки. Достоин ли сие государя, – воскликнул в душе Федор, – когда он поощряет доносы и клевету – язвы, зараза которых поражает россиян. Все доносят друг на друга: и сын выдает отца, жена – мужа, брат – брата, отец – сына. И сколько же россиян невинно попали в пытошные башни, скольких разорили до наготы, подвергли тайным казням и пыткам. Господи, ни при одном царе, помимо батюшки Грозного, подобного не бывало!» – горестно вздохнул Федор Романов и опустил гордую голову.

Он еще не знал свою участь, хотя и представлял горькой. А ежели бы ведал доподлинно, решился бы на самый крайний шаг, наказал бы гонителя своего рода и всех сродников лишением живота.

Голос Годунова отвлек Федора от печальных дум.

– Теперь ты слышал, в чем вина твоя и твоих братьев и всего родства и свойства? – спросил царь Борис. – И есть у тебя один путь: покаяться, рассказать своему государю правду. Ты же не ищешь себе ни праведь на дыбе, ни позора, ни Лобного места. И я сему не хочу тебя подвергать.

– Ты – государь, и воля твоя как закон от Бога. Да ищу я лишь справедливости. Зачем мне желать себе худа, потому как мне ведома твоя судьба и день, когда ты престоавишься. И сам ты сие ведаешь. Потому спрашиваю: зачем берешь еще один грех на душу и взял нас, Никитичей, и всех наших сродников под стражу, заточил в сидельницы? Коль несешь правду, как помазанник Божий, вели повязать Бартенева-иуду, спроси его каленым железом, чью волю выполнял, вознося навет на Романовых. Тебе и скажет, что дядюшки твоего, боярина Семена, потому как Бартенев у него на службе.

– Сам хулу несешь на честного раба государева! – выкрикнул Семен Годунов.

– Помолчи, дядя, – строго заметил царь Борис. – Твое слово впереди. – Он был недоумен дядей: князь Федор сказал правду, а она не должна была высветиться. Да сказанного не вернешь, счел царь, и теперь оставалось одно: подминать под себя Романовых, пока ликом не ткнутся в грязь, потому Борис Годунов закусил удила. – Ты о чести помни, Федор. Твой батюшка Никита завещал нам вместе хранить и честь и дружбу. Но ты попрали и то и другое. Потому наша правда от Бога и справедливость – тоже. Коренья нашли в романовских каморах, и ключи от камор в ваших руках. Вот и ответите за все злочинские умыслы сполна. – И царь

Борис отвернулся от князя Федора, сказал боярину Семену: – Отведи его на место пока, а там посмотрим. Как в пытошную вести – скажу.

Мужественный и стойкий Федор дрогнул. Он испугался не пытки, но унижения. Не было еще в древнем роду Захарьиных-Кошкиных-Романовых, начиная от славного выходца на московскую службу из «прусс» Андрея Кобылы, кого-либо, кто бы подвергался позорным пыткам. Ему же, старшему сыну боярина Никиты Романовича Захарьиной-Кошкиной, уготована дыба, каленое железо, может быть, в хомуте погонят на Красную площадь.

В сей миг горькие размышления князя Федора прервал хриплый голос боярина Семена Годунова:

– Эй, вы, – крикнул он стражам, – ведите его в земляную тюрьму! – И указал на Романова.

Дюжие мужики в охабнях, в бараньих шапках в мгновение ока заломили Федору руки, связали их сыромятиной и, накрутив концы ремня себе на руки, повели из дворца. Федор попытался сопротивляться, но стражи враз дернули ремни, и они впились в запястья, и показалось князю, что по рукам прошлись ножом.

Земляная тюрьма была огорожена дубовым частоколом. За ним зияли, как раны, глубокие ямы, перекрытые решетками. Романова привели к одной из них, освободили от ремней и столкнули вниз. Упал он удачно. Встал на ноги, посмотрел вверх: стражи закрыли решетку на замок и ушли. В этой яме – три на три аршина – он уже провел две ночи, полные кошмара во сне и наяву. С вечера, лишь наступала темнота, из нор появлялись крысы – больше дюжины. И начиналась борьба. Твари прыгали на ноги, пытались добраться по одежде к лицу, кусали сквозь кафтан. Федор отбивался от них, сбрасывал с себя, топтал ногами, но тщетно. Они ловко избегали его сапог и снова нападали. Час за часом продолжалась борьба. Федору казалось, что он не выдержит этой схватки, упадет на землю и отдаст себя на растерзание тварям. Однако в полночь крысы вдруг прекращали нападать на Федора, скрывались в норах и больше не показывались. В первую ночь князь Федор попытался забить норы глиной и в оставшиеся часы ночи ему удалось подремать и отдохнуть. Днем стражи спустили в яму лестницу и увели князя на допыт. Когда же к вечеру его привели в тюрьму и спустили в яму, все повторилось. Твари вскрыли норы и снова набросились на князя Федора. Как он выстоял? От попытки понять это кружилась голова.

Что ожидало князя на этот раз? То ли третья кошмарная ночь в яме, то ли еще более жестокое испытание в пытошных башнях Кремля. Он ходил по яме из угла в угол – пять шагов в одну сторону, пять – обратно. Это помогало ему успокоиться и поразмышлять над всем тем, что случилось с ним и с его близкими, попытаться выбраться из безвыходного, казалось бы, положения.

Невольно размышления завели его в юношеские времена. Он увидел себя и Бориса Годунова вместе. Оба они стояли пред лицом боярина Никиты, отца Федора, и он читал им увещательный устав о клятвенном союзе дружбы. Им надлежало жить по законам этого устава и быть царствию помощниками.

Но вечной дружбе рода Романовых с домом Годуновых не дано было окрепнуть. Едва зародившись, она начала разрушаться. «Проныр лукавый» нарушил клятву, кою давал отцу Федора, предал дружбу, потому как цель, кою выбрал честолюбивый Борис, исключала участие в ее достижении кого-либо из Романовых.

Федор Романов вскоре узнал, о чем мечтал Борис Годунов и к чему стремился. Поначалу посмеялся над честолюбивым замыслом, а позже, когда царствовал сын Ивана Грозного Федор, князь Романов стал свидетелем того, как Борис примерял царскую корону.

Тут-то и взбунтовался Никитич, потому как усмотрел в действиях Годунова черные замыслы против рода Романовых. Как он мог мнить себя выше первых российских бояр, кои находились в близком родстве с царским домом, были уважаемы и любимы москвитянами и законно занимали самые высокие посты в государстве!

Самого Федора Романова, доброго и ласкового князя, любознательного и образованного человека и щеголя ко всему, знала вся Москва. Он тоже был честлюбив. Но еще и тверд нравом, терпелив и не подвержен мшеломству. Потому после кончины отца Федору дали чин боярина и он занял достойное место в Боярской думе.

Вражда, уже открытая, вспыхнула между Федором Романовым и Борисом Годуновым вскоре же после таинственной гибели царевича Дмитрия. Тогда вся Москва обвиняла в смерти девятилетнего сына Ивана Грозного правителя Бориса Годунова. Говорили в народе, что это он торит себе дорогу к царскому трону. Потому и посягнул на жизнь малолетнего престолонаследника.

В отличие от многих других вельмож, приближенных к царскому дому, у Федора Романова было иное мнение о трагедии в Угличе. Он не отрицал вины Бориса Годунова в убийстве малолетнего отрока, но считал, что тем отроком был не царевич Дмитрий, а некто другой, из простолюдинов, купленный князьями Нагими. И имя того человека, который продал сына, называли – стрелец инвалид Матвеев, доведенный нуждой до отчаяния. Правда, поговаривали, что все случилось не без участия оружничьего Богдана Вельского. Он в ту пору рьяно бился с родом Годуновых и даже называл себя русским царем Борисовским, по названию города Борисова, который построил, будучи в опале от правителя Годунова.

Сказывали, что Дмитрий в те майские дни девяносто первого года был отправлен в северные монастыри. Там он провел одиннадцать лет, принял монашество и жил под именем инок Григория. Несколько лет он занимался переводом и перепиской греческих духовных книг и преуспел в благодатном деле.

Неожиданно шагавший по земляной яме Федор остановился. Его поразила мелькнувшая мысль о царевиче Дмитрие. А что, ежели боярину Семену стало ведомо, как он, Федор Романов, вызволил с помощью патриарха Иова из-под Каргополя переписчика книг Григория – истинного царевича Дмитрия – и спрятал его в Чудовом монастыре? И теперь, когда боярин Семен прикажет пытать его, Федора, не выдаст ли он Дмитрия? И Федора прошиб холодный пот.

Сколько тревог и волнений пережил он, пока Дмитрия доставили в Москву, посадили в Чудовом монастыре за переписку книг, как берегли его от зорких глаз шишей. Тайно же инок Григорий приходил на подворье Романовых. И Федор вел долгие беседы с ним, все больше о прошлом и будущем. Там, впереди, они видели одно: Мономахов трон и его, Дмитрия, на том троне в царском венце.

И теперь, пребывая в земляной тюрьме, Федор понял, для чего понадобилось Борису тайно завезти на двор Романовых отравные коренья и оклеветать Никитичей. Это и дало повод взять под стражу весь род Романовых. А причина – страх потерять трон.

Конечно же, боярин Семен, который держал по всей России сотни шишей-доносчиков, пронюхал о том, кто приходил на подворье Романовых из Чудова монастыря, кто таился под именем инок Григория. Нет, то был не Отрепьев, сын захудалого дворянина, сие Федор готов был утверждать даже на Суде Божьем. Инок Григорий в миру был истинным царевичем Дмитрием. И теперь Федор страдал за него больше, чем за себя. Коль схватил Дмитрия боярин Семен, не увидит больше света белого страдалец.

Но не удалось черным слугам Семена Годунова ухватить Дмитрия в Чудовом монастыре. Улетела птичка Божиим провидением. И вовремя. А как князь Федор осознал по поведению боярина Семена, что царевич Дмитрий на воле, так и возрадовался, на колени опустился, молитву прочитал:

– Царю Небесный! Скорый в заступлении и крепкий в помощь, предстани благодатию силы Твоя ныне и благословив укрепи и в совершение намерения благого дела рабов Твоих произведи: вся бо елика хочещи, яко сильный Бог творити можещи...

И возродилась в Федоре легкость душевная, какую испытывал в дни благоденствия, и не страшила тюрьма поганая и дыба неминуемая. Дух Федора торжествовал. Вопреки всем проискам Бориса Годунова, он, Федор Романов, в сем рукопашном бою выходил победителем. «На воле Митенька, на воле! Мчит с сотоварищем иноком Григорием Отрепьевым в землю польскую, дабы там объявиться!» – торжествовал Федор.

– А как услышат о нем россияне, как встанут плечом к плечу стеною, да пойдут добывать трон истинному отцу своему, тут уж держись, «проныр лукавый», – говорил Федор, стуча кулаком по глиняной стене.

В тот миг, когда Федор в душевном порыве возносился в Царство Небесное и приготовился к каким угодно переменам в судьбе, над его головою открылась решетка, в яму опустилась лестница и страж велел князю подниматься наверх, повел его, как счел Федор, на правож.

В пытошном каземате заплечных дел мастера готовились к работе. В подземелье стоял смрад, пылал горн, на нем калилось железо, на таганах кипела в котлах вода. Один из катов, увидев боярина Федора, улыбнулся ему, приветливо кивнул головой. Князь знал этого ката. Звали его Лучка, по прозвищу Тетеря. Еще при Иване Грозном, когда Лучка только встал к своему ремеслу, его изловили тати, коих он порол кнутом, избили изрядно и лишили языка. Малюта Скуратов сказал Лучке, когда тот пожаловался на татей: «Ты есть тетеря. Потому и потерял язык». С той поры, а миновало сему лет тридцать, Лучка слыл самым жестоким палачом во всей Руси. Один демонский вид Лучки приводил его подопечных в смертельный ужас.

Тут же, в пытошной, у стола со свечой сидел еще один не менее жестокий человек, боярин Семен Годунов. Хотя всем видом своим он был похож на благообразного пожилого россиянина с окладистой бородой, но нутро его выдавали узкие, черные и хищные глаза. Он заведомо ненавидел всех, кого приводили в пытошные казематы, как кровных своих врагов. Боярина Федора он сразу же словно хлыстом ударил, крикнул ему в лицо:

– На колени, тать!

Но Федор Романов был уже не тот, подавленный навалившейся на него бедой человек, каким чувствовал себя в первый день пребывания в тюрьме. Дух его окреп, и пред боярином Годуновым стоял истинно русский князь, гордый и несгибаемый. Он лишь спросил боярина:

– Видишь ли ты свою судьбу, выкормыш Малюты Скуратова?

И прозвучал сей вопрос так неожиданно, что боярин Семен опешил. Знал он, что Федор Романов якшался с ведунками-чародеями и мог ведать о роковом пороге любого смертного. И вздрогнул многожды свершавший злодеяния первый палач России. Но страх всегда пробуждал в Семене Годунове слепую ярость, и он еще громче крикнул:

– На колени, тать!!

Князь Федор продолжал стоять. Семен сделал знак Тетере, тот вмиг подскочил к князю и ударил его ногой в подколенья, и князь Федор упал. Тетеря придавил его за плечи к каменному полу. Но Федор не смирился с насилием. В свои сорок шесть лет он был еще достаточно силен и не уступил Лучке. Он скинул руки палача с плеч и встал.

– Не смей прикасаться ко мне, кат! – крикнул он Лучке. И так же властно, словно отдавая повеление, сказал боярину Семену: – Зачем достоинство боярина порочишь? Сам и пытай!

Боярин Семен не смотрел на князя. Он поднял руку и сказал Лучке:

– Ладно, Тетеря, мы еще лишим спеси сего татя. Иди к делу.

Лучка медленно, словно медведь переваливаясь с ноги на ногу, ушел в другой каземат, и в сей же миг оттуда донесся нечеловеческий крик. Палач как перешагнул через порог в пытошную, так схватил раскаленный шкворень из огня и ткнул в спину привязанному к столбу страдальцу. Этим страдальцем был дворовый человек Романовых по имени Глеб. Лучка прижег спину в новом месте, и Глеб заорал еще истошнее. В эту минуту боярин Семен ввел Федора Романова во второй каземат и сказал ему:

– Видишь, это твой Глеб-лабазник. Вот милостью просим его открыться, почему о зелье отравном молчал. Да будем пытаться, пока не откроется. Ты слышишь, Глеб, вот твой боярин стоит, скажи, как он велел тебе молчать о корнях. Он совестливый, отрицать не будет. Говори, и ты обрешь облегчение участи.

Глеб лишь промычал глухо в ответ. И тогда Лучка сунул каленый шкворень между ног под ягодицы. И снова раздался истошный крик.

– Зачем невинного терзаешь? Ему ничего не ведомо о корнях. Бога в тебе нет, боярин Семен, – сказал князь Федор.

– Вот и откройся, порадей за него. Ты ведь жалостливый, нищелюбец и милосердец. Ну, открывайся же, с какой метой корни в стольный град привез? – требовал боярин Семен.

Федор Никитич вновь ощутил душевное страдание. Не за себя, нет. Он отрешился уже от брэнного существа своего и страдал за ближних, за холопов, коих немало увели со двора черные слуги Годунова, за всех невинных, коих изводили волею царя Бориса. Князь Федор не знал, что делать. Но какое-то движение в груди началось и побуждало к чему-то. К чему, Федор еще не уразумел. А боярин Семен стоял над душой и требовал открыться, вынести себе приговор.

– Не жаль Глеба, так пощади иных. Все они, твои сродники, тут, у пытошных столбов. – И боярин Семен двинулся к другой двери. Стражи повели Федора Романова следом.

И то, что открылось опальному князю, повергло его в ужас. В подземелье были собраны все его четыре младших брата, вся близкая и дальняя родня. Со всех уже содрали одежды и привязали к столбам. Палачи ходили близ них и пробовали, хлестко ли бьют плети, ударяли ими о каменные стены, о пытошные столбы. Средний брат, Михаил, богатырского сложения, увидев старшего брата, попытался оборвать ремни, коими были стянуты его руки за столбом, и тут же получил удар плети, на белой спине вспыхнул алый рубец. Князь Федор ринулся защитить брата, но стражи ухватили его за плечи, сдавили, словно тисками, и повели дальше, следом за боярином Годуновым.

Потом Федор Романов скажет, что истязание мужского тела еще не повергает в крайний ужас того, кто за сим наблюдает. То, что он увидел в третьем каземате, и оказалось той гранью, за которую князь зацепился ногами и упал на колени. В том третьем застенке Семен Годунов собрал всех женщин, девиц и отроковиц, кои были в большом роду Романовых, и среди тех, кто был с ними в родстве и свойстве. Над всеми орудовали палачи, готовили их к пыткам. Десятки женских обнаженных спин увидел князь Федор. И среди них узнал по родимому пятнышку спину своей супруги боярыни Ксении. Он крикнул:

– Ксюша, Господи!

Она же повернула голову и умоляющим голосом позвала:

– Батюшка Федор Никитич, смилостивись над нами, Христом Богом прошу! Не дай надругаться катам!

И то, что будоражило душу князя Федора, прорвалось ясной и осознанной мыслью: «Ежели есть на нас вина, то допрежь всего на мне! Потому токмо мне и нести тяжкий крест!» И как всегда скорый на действие, Федор потребовал от боярина Годунова:

– Иди к патриарху и скажи: Федор Романов готов к покаянию. Да пусть приходит со святейшим и царь.

Боярин Семен зло прищурился, кунью шапку на глаза пониже осадил, сказал, как хлыстом ударил:

– Много чести требуешь, тать. Мне покайся, пока плети не заиграли в охочих руках, – упрямо гнул свою линию Годунов и крикнул: – Эй, слуги государевы, замахнитесь-ка!

И надломил боярин князя Федора:

– Веди к царю, ему покаюсь!

– Так-то оно лучше, – согласился боярин Семен. И задумался: то ли вести Федора к царю, то ли ждать в пытошной, ведь обещал прийти.

Так и было. Царь Борис появился в казематах сам. И патриарх Иов его сопровождал. Да не было в том случайности. Еще прежде с глазу на глаз царь Борис велел своему дядюшке только устроить пытками как ближних Федора Романова, так и его самого, лишь для острастки подвергнуть всех мужей кнуту. Надеялся царь Борис через это заставить-таки Романовых оговорить себя в преступном заговоре против него. И уж после того, как сия мера не поможет, то вздернуть на дыбу вначале князя Александра Романова, а там и других Никитичей, ежели будут упорствовать. Ой как хотелось Борису Годунову выместить злобу и ненависть на этих непокорных князьях, на любимце царя Ивана Грозного князе Федоре Романове. И сам царь Борис думал присутствовать в тот час, когда в пытошных запахнет жареным мясом, когда на белых спинах князей разольется алая руда.

Всеми помешал твердый стоятель за правду и справедливость, защитник истинных православных христиан, патриарх всея Руси милосердец Иов. Он через тайну исповеди узнал от Бартенева второго о том, что на род Романовых возведен поклеп. А как проводил с покаяния Бартенева, поспешил в царский дворец. Имени покаявшегося он не назвал, но сказал царю:

– Государь-батюшка, сын мой, ведома мне подоплека вины Романовых, и за ту вину нельзя их подвергать пыткам. Так ты уж, государь-батюшка, запрети палачам касаться Романовых и их близких. Именем церкви и Всевышнего Господа Бога прошу. Да вознаградит Он тебя за милосердие.

Царь Борис высоко чтит патриарха Иова, помнил, что только ему обязан восхождением на престол. Это он, крепкий адамант православной веры, в год кончины царя Федора девять месяцев твердо стоял против князей Романовых, Шуйских и князя Мстиславского, кои покушались овладеть троном. И устоял пред натиском недостойных и венчал на царствие умнейшего россиянина. И царь Борис не уставал благодарить Бога и патриарха за великую милость к нему. И потому царь Борис не озлился на сказанное Иовом и прозвучавшее повелением. Он лишь спросил:

– Святейший владыко, почему я не должен посылать на праведных врагов моих? Они лишь получат по делам своим.

– Сие не так. И ты возьмешь грех смертный на душу за невинно пролитую кровь. – И тихо, но твердо добавил: – Помни об Угличе, государь-батюшка. Его колокола еще бьют набат.

Напомнив об Угличе, патриарх больно ударил царя Бориса, потому как со временем грех, взятый на душу за невинно пролитую кровь в том волжском городке, становился все тяжелее. Узнал Годунов недавно и то, что будто бы царевича Дмитрия в ту майскую пору убить не удалось. И он где-то близко. Страх заковал душу и сердце Бориса в обруч, и теперь сей обруч сжимался после каждого напоминания о трагедии в Угличе. Вот и сейчас у Бориса Годунова перехватило дыхание и трапезная, где он встретил Иова, поплыла перед глазами. «Господи, доколь же меня казнить будут?» – воскликнул царь Борис в душе. Да справившись со слабостью, впервые, может быть, за время царствования прогневался на патриарха и сурово сказал:

– Святейший, ты молись о спасении моей души, а в государевы дела не вмешивайся.

Но патриарх не дрогнул.

– Многие годы я печалюсь о твоей судьбе, о твоей душе. Да тому конец близок. Потому как дерзание твое не против патриарха и церкви, но против Господа Бога. Опомнись, сын мой. Подвигнемся в пытошную, остановим чинимый произвол.

– Повинуюсь воле Всевышнего. Тебя же еще попрекну, – сказал царь Борис и покинул дворец.

До земляной тюрьмы от царского дворца всего сто с лишним сажен. Вдоль дороги лежали высокие бунты бревен лиственницы, гранит, камень – все для нового храма Всех Святых, который задумал воздвигнуть Борис Годунов. Макет этого храма, в рост царя Бориса, уже стоял в

дворцовой палате – красы невиданной, сказывали, великолепнее даже константинопольского собора Святой Софии. Да не воплотилась в жизнь мечта царя Бориса. Не позволил ему Всевышний соорудить сей храм, счел Господь, что нет у Бориса на то права.

Переступив порог пытошной тюрьмы, царь Борис сказал патриарху:

– Вот мы пришли, а тут тишина благодатная, никого правожом не пытаются. – Борис Годунов не заметил ни истерзанного палачами Глеба, ни крови на спине князя Михаила Романова.

Но патриарх Иов все увидел.

– Творя земной суд, бойся суда Божьего, – тихо сказал святейший царю и проследовал в тот каземат, где держали женщин и где в сей миг был боярин Федор. Патриарх подошел к нему.

– Знаю, сын мой, ты звал нас. Вот мы пришли, покаяйся, и государь проявит милость, – сказал Иов.

– Покаялся бы, святейший, да поклеп на себя возведу, потому как знаю, какого признания ждет государь.

В сей миг к князю Федору подошел царь Борис. Он посмотрел на Федора пустыми и безразличными ко всему глазами. На его лице лежала печать усталости и отчужденности. И было видно, что жизнь уже ничем не радовала государя. И причиной тому был все тот же царевич Дмитрий. Приблизившись к князю Федору, которого продолжали держать за руки стражи, царь Борис сказал:

– Ты есть раб Божий и не смеешь скрывать ничего, что во вред мне, помазаннику Божьему.

– Ты, государь-батюшка, услышишь мое откровение. Да пусть его услышит и святейший патриарх. А иным и нет нужды...

– Внял твоему побуждению. – И повелел боярину Семену: – Отведи князя Федора к алтарю Сенной церкви. – Федора повели, а царь Борис спросил патриарха: – Так ли ты хотел, святейший?

– Так, сын мой. Там, в храме, пред ликом Христа Спасителя, он не прольет лжи.

Федора Романова привели в ближайшую от пытошных казематов церковь, в коей в разное время исповедовались государевы преступники.

Царь Борис велел стражам покинуть храм. Иов же удалил священника, и они остались втроем. Князь Федор опустился на колени, помолился и встал, продолжая креститься, заговорил:

– Пред ликом Отца Всевышнего скажу только правду и ни слова лжи. Коренья на моем дворе подметные. И никто из рода Романовых никогда не мыслил отравить кого-либо зельем. Но ты, государь-батюшка, волен винить нас в другом. – Голос князя Федора звучал чисто, звонко и легко возносился под купол храма. – Род Романовых, и тебе это ведомо, имеет прав на царский престол больше, чем род Годуновых. И после кончины царя Федора кому-то из Романовых надлежало встать у кормила державы. Но ты, государь, обошел нас. Да все благодаря патриарху Иову, который оценил твой ум выше моего ума. Не отрицаю, святейший прав. Но твой век, государь-батюшка, недолог. – Князь Федор не спускал глаз с царя Бориса и говорил ему ту правду, от которой душа его стала леденеть. – Мне ведомо, что написано на скрижалях твоей судьбы. Тебе дано царствовать семь лет – ты сие знаешь, – а что надвинется за гранью, ведомо токмо Всевышнему. И потому, пока жив хотя бы один отпрыск рода Романовых, мы лелеем надежду встать на троне святой Руси. На том целую крест. – И князь Федор поцеловал поднятый Иовом крест.

Царь Борис побледнел как полотно. На его лице выступил пот. Он готов был узнать какую угодно правду, но только не эту. Был день, когда он воскликнул перед ведунями, что будет рад надеть корону хотя бы на семь дней. Они же щедро подарили ему семь лет. И вот уже половина отведенного судьбой срока миновала. И страх неведомого, скорее всего ужасного, угнетал царя Бориса с каждым днем сильнее. И чтобы найти выход из заколдованного круга

и забыться, он все больше скатывался на путь тирании. И все повторялось так, как было в последние годы жизни царя Ивана Грозного. Царь Борис преследовал всех, кто даже в самом малом выражал свои мысли против него. Для этого он и завел целую армию шпионов, доносчиков, клеветников, поставил над народом городовых, набрал сотни палачей. «Борис совсем обезумел, хотел знать домашние помыслы, читать в сердцах и хозяйничать в чужой совести», – сказывали очевидцы.

Потому-то правда, выраженная князем Федором Романовым пред алтарем храма, оказалась для царя Бориса страшнее пытки, на кою он думал обречь своего недруга. Терпение царя иссякло, и он крикнул в припадке гнева:

– Досталь! Нет у тебя никаких прав. Волею Всевышнего я лишаю тебя и всех твоих сродников всего земного! Эй, стражи, – повернувшись к вратам храма, крикнул царь Борис, – взять его! Отведите сей же миг на правеж моим повелением!

Стражи подбежали к князю. Но в это мгновение проявил свою волю патриарх. Он встал перед Федором и защитил его.

– Изыдите, досужие. – И повернулся к царю: – А ты, государь-батюшка, не чини суда несправедного и не поминай имени Господа Бога всуе, да будешь пребывать под его десницей.

Царь Борис и на патриарха замахнулся. Да увидев его суровый взгляд и каменную твердость в лице, и крест, который святейший поднял против него, словно отгонял беса, государь дрогнул и отступил. Он молча покинул храм, и в голове у него билась одна короткая мысль: «Я одинок! Я всеми покинут!»

Стражи взяли князя Федора за руки и повели из храма. Патриарх Иов тихо шел следом. К нему подошел услужитель архидакон Николай и взял его под руку. Святейший думал в эти минуты о том, что настало время призвать Боярскую думу и архиереев к тому, чтобы они взяли судьбу Романовых в свои руки.

Глава вторая

Ведуны

Близился второй год нового, семнадцатого столетия. Страх, который довлел над россиянами в конце прошедшего века, рожденный предсказаниями о великом Божьем гневe, уже развеялся. Конец света, как предвещали колдуны и ведьмы на площадях и папертях соборов и церквей, не наступил. И жизнь, постепенно одолевая страх последних лет, входила в свою колею. Но москвитян волновало всю весну и лето не только то, что их миновал гнев Божий, а страсти, которые разгорелись вокруг известного всей Москве рода Романовых.

Вот уже несколько месяцев дьяки Разбойного приказа строчили обвинения на братьев Никитичей в злочинстве против государя. А конца сему следствию не было видно. Москвитяне жалели Романовых. Возле их палат на Варварке ежедневно собирались толпы горожан, судили и рядили на все голоса. И все надеялись, что царь Борис снимет наконец опалу с Романовых, выпустит их на свободу, а с ними и четверть Москвы сродников. Это была шутка, но горькая, по тюрьмам и правда томились в эту пору тысячи россиян. Ждали возвращения милосердных князей и сотни нищих, бездомных. У их ворот бедолаги часто находили короба с горячими и вкусными пирогами с потрохами и капустой. Сколько их, нищих, неимущих приходило утолить голод к княжеским воротам.

И почти каждый день на Варваркино торжище, что близ подворья Романовых, приходили ведуны Сильвестр и Катерина. И только слушали, внимали всему тому, о чем говорил народ, сами ни с кем не вступая в разговоры. К тому же они прятали свои лица, меняли свой облик. Ведун Сильвестр появлялся в старом охабне, каждый раз в другом, капюшон на голову натягивал, рыжей бороды не носил, а вместо нее пегий клин выставлял, зеленые глаза прятал под мохнатыми сизыми бровями. И Катерина ходила по торжищу, упрятав голову в платки-хустки так, что никто не мог увидеть ее красивого лица, ее огненно-рыжих кос и обжигающих, зеленых, как и у Сильвестра, глаз.

Знали Сильвестр и Катерина, что в Москву собрались многие холопы и дворовые люди, крестьяне из вотчинных сел и деревень рода Романовых, коих немало имелось по России. И ведуны искали среди них преданных Романовым людей, дабы в нужный час взять их в помощь, коя могла потребоваться. Катерине и Сильвестру помогал монах Яков, который до того, как принять постриг, долгие годы служил Романовым. Яков побывал во всех княжеских вотчинах, знал сотни холопов и крестьян, приписанных к княжеским землям. В тот день, как Катерине удалось встретить Якова да как разговорились, он сказал ей:

– Ведаю, благая Катерина, что тебе близок князь Федор, мой благодетель. И силу твою ведаю. Потому Христом Богом прошу порадеть за князя и спасти его от жестокого прикрута и опалы.

– Тебе спасибо, Яков, что сам радеешь и скорбишь за князей Романовых. Да помни, святой отец, о том, что судьба князя Федора в руках Божиих. И никто не волен изменить его участь. Но помни, Яков, и о другом, о том, что Всевышний проявит к князю Романову милость. Сие придет не скоро, но сбудется, как на смену ночи приходит день. О том и говори всем, кто верой и правдой служит князьям Романовым. Их час придет.

Увы, тогда и Катерина не ведала, что того часа придется ждать многие годы. А пока впереди у Романовых лежал бесконечно долгий путь по терниям и страданиям.

К июню следствие по делу Романовых было завершено и состоялся приговор. Его вынесли за два месяца до того, как пришел час проявиться истинному гневу Господнему, поразившему всю центральную Россию в августе 1601 года.

А тогда, накануне дня Святой Троицы, Пятидесятницы, среди москвитян прошел слух, что к Романовым якобы будет проявлена милость. И москвитяне искренне обрадовались, возносили хвалу царю Борису. И как же велико было их огорчение и разочарование, когда на Духов день свершилось-таки в Москве черное дело – суд несправедливый. И никому из окружения государя не ударило в сердце, в душу, что в Духов день Господь призывает всех верующих и паче чаяния помазанников Божиих помнить о главной заповеди, о любви к ближнему, о милосердии к покаявшемуся. Потому-то и послал Вседержитель на землю в сей День Святого Духа – Утешителя.

На этот раз Утешитель не явился к россиянам. Москва взбудоражилась. На улицах, на площадях толпы людей металась туда-сюда, искали сведых людей, служилых, кои рассказали бы о том, что случилось в Кремле, какую кару придумал царь Борис Романовым.

Пополудни возле Троицких ворот Кремля, из коих шел путь на Пречистенку, появилась Катерина. Она по-прежнему таилась от чужих глаз. Одежка на ней была старенькая, вытертый ситцевый платок с бахромами опущен почти на нос. В руках она держала корзину, в которой лежала разная огородная зелень. Затаившись близ ворот в углу под стеной, она зорко следила за каждым, кто выходил из Кремля. Долго ее лицо ничего не выражало. Но вот вдали появился думный дьяк Андрей Щелкалов, дом которого был в ста саженях от Троицких ворот. Лицо молодой женщины оживилось, она побледнела, а зеленые глаза властно вскинулись на Щелкалова, и у него что-то сдвинулось в душе, он смотрел только на Катерину, окружающее исчезло из его внимания. Он шел как слепой и шептал о том, что случилось в Кремле, какую кару Романовым вынесла Боярская дума и утвердил царь Борис. Все это длилось лишь несколько мгновений. А когда Щелкалов миновал Катерину, он вновь увидел толпу людей, их возбужденные лица, крики. Многие узнали его, требовали рассказать о судьбе Романовых. Но, отрезвев, он сурово отвечал настырным, что ничего не ведаёт о Романовых. Вырвавшись из толпы, он побежал и вскоре скрылся на своем подворье за высокими тесовыми воротами. На дворе он остановился передохнуть, а как перевел дыхание, то ему показалось, что с ним ничего не случилось, никому и ничего он не раскрыл из тайного. А если бы его все-таки спросили, почему он шел по спуску словно слепой, ответил бы, что усталость взяла свое, потому как больше суток не знал покоя, не спал. И добавил бы, что спасибо неведомой страннице, коя привела его в чувство.

А «странница» уже затерялась в толпе и торопливо уходила в сторону Пречистенки. Но вскоре свернула к Москве-реке, там улочками взяла путь к Донскому монастырю.

Катерина не случайно пряталась от москвитян. Ее знали многие. Она и ее муж Сильвестр держали на Пречистенке большую лавку, торговали узорочьем, паволоками, благовониями – всем, что любили московские модницы. Да знали некоторые москвитяне, что Катерина и Сильвестр занимаются ведовством. Но одного почти никто не знал, того, что Катерина имела Божий дар ясновидения. И под ее чары попал дьяк Андрей Щелкалов, глава Посольского приказа.

Теперь Катерина могла бы рассказать москвитянам о том, что их волновало в судьбе Романовых. Все это она выведала у думного дьяка Андрея Щелкалова, который был в числе судей, вершивших несправедливый суд над князем Федором Романовым, над его братьями и сродниками. Но нет, ей нельзя было открыться кому-либо. И показаться – тоже. Ей приходилось прятать лицо, и огненно-рыжие волосы, и манящие губы, и колдовской силы глаза, и дарственную статью. Все, чем раньше любовались москвитяне, она спрятала от их взоров. Потому как стоило бы только одному шишу-доносчику узреть Катерину, как ее бы схватили. И охотились за нею по воле главы Разбойного приказа боярина Семена Годунова. Он давно искал ее повелением царя Бориса. Было же много лет назад такое, когда Борис-правитель в поисках ведун заехал под Можайском в деревню Осиновку и там нашел предсказателей. И была среди них Катерина: приехала погостить у деда по матери. Она-то и открыла Борису Годунову его судьбу – семь лет царствования. А прошлым летом царю Борису показалось, что семь лет про-

быть на троне – очень малый срок. Но больше Бориса беспокоило то, чего он не мог знать, что там дальше будет за семью годами. Он повелел своим слугам найти Катерину, привести ее во дворец. Но Катерина не отозвалась на просьбу царя и слугам его не далась, напустила им в глаза туман и скрылась.

Царь Борис во гнев пришел, велел разыскать ее во что бы то ни стало, схватить и на правое послать, дабы там открыла царскую судьбу за окоемом седмицы лет. И слава Всевышнему, что в ту пору послал ей защитника от царевой расправы, митрополита Казанского Гермогена. По его совету они тайно забрали все ценное в своей лавке, и он же тайно отправил Сильвестра и Катерину в Казань. Там они и скрывались. Оттуда же митрополит послал ведунов в Москву узнать все что можно о судьбе Романовых, которых чтит.

Ведомо было россиянам, что митрополит Казанский Гермоген не признавал Бориса Годунова царем. И три с лишним года назад он и еще два противника Годунова из пятисот выборных не подписали избирательную грамоту и не целовали крест на верность новому царю. И все они, митрополит Московский и Крутицкий Дионисий, архимандрит Псково-Печерской лавры Антоний и он, Гермоген, попали в опалу, были всячески притесняемы. Гермоген и без того был в немилости, потому как дружил с князем Василием Шуйским, к князьям Романовым относился с уважением.

И теперь, когда последние оказались в беде, Гермоген считал долгом чести оказать им посильную помощь. И видел он ту помощь в одном, в побуждении царевича Дмитрия поскорее открыться народу. Только он, взойдя на законный престол по праву наследства, мог спасти Романовых.

Сам Гермоген не рискнул приехать в Москву. Знал, что о его появлении в стольном граде вскоре же будет ведомо царю Борису, а тот нашел бы повод обвинить неугодного архиерея вкупе с князьями Романовыми. Потому и послал митрополит своих верных и преданных помощников с надеждой на то, что они сделают все посильное им.

Сильвестр и Катерина пришли в Москву в конце апреля под видом торговых людей. И товар у них был достойный на возу – мед и воск из заволжских лесов. Они остановились в посаде близ Донского монастыря среди ремесленников. Сами занялись ремеслом. Сильвестр купил небольшой дом по случаю, устроил при нем кузню, стал ковать немудреную церковную утварь. Катерина вышивала пелены. А как обосновались, взялись за то, что наказал им сделать Гермоген. Им было велено увести из Чудова монастыря инока Григория, работающего у патриарха Иова переводчиком и книгописцем духовных книг греческого письма.

В начале мая Сильвестру удалось встретиться с Григорием. Пришел Сильвестр к монастырю с коробом глиняных чернильниц и с ярославскими орешковыми чернилами к ним. Кому же как не монастырским писцам продать сей товар. Так и встретились инок Григорий с торговым гостем Сильвестром. И в келью Григорий привел его. Там иноку гость из Казани сказал:

– Ведомо нам, что тебя опекали бояре Романовы, а почему, сам знаешь. Теперь же они в опале, и надолго. И пришло время тебе самому позаботиться о будущем.

– Сия забота и меня одолевает, да не вижу начала, – ответил Григорий.

Сильвестр знал отца этого инока, видел его так же близко. И находил много сходства с батюшкой. Разве что черты были помельче, несли в себе нечто материнское, от красавицы Марии Нагой, последней супружницы Ивана Грозного. И потому Григорий был нраву покладистого, без побуждений к жестоким действиям. И те слухи, которые распускали по Москве еще десять с лишним лет назад, были ложью. Тогда на улицах стольного града можно было часто услышать, будто бы Дмитрию лепили снежные чучела, а он рубил им руки, головы и приговаривал: «Так будет со всеми моими супротивниками, как стану царем, а первому отрублю голову Бориске Годунову». «Ложь сие, дикая ложь», – утверждал Сильвестр. И, побуждаемый жалостью к царевичу, сказал:

– Вот я пришел к тебе, дабы вывести на путь, по коему должно тебе идти. Сей путь, запомни это, благословил митрополит Казанский Гермоген. Он и меня прислал к тебе.

– Говори, брат мой, – попросил инок.

– Слушай, страдалец. Найду я тебе верного товарища или сам провожу тебя в Киев. Там придем мы к воеводе князю Константину Острожскому, и ты откроешься ему. Он же объявит тебя по всем зарубежным державам. Потом мы уйдем в Северскую землю, там найдем Почаевскую обитель и явимся в нее. И отдашь ты себя на попечение архимандрита Геласия. Он же пошлет во все российские города и земли иноков, кои повсюду будут открывать тебя. И тогда ты придешь в славный город Путивль. И будет он твоей названной столицей до поры. А как встанет близ тебя войско и рать народная, так пойдешь на Москву за троном.

– Господи Боже, как стройно все у тебя. Да исполнится ли сие?

– Ты под защитой Всевышнего.

– А коль исполнится, быть тебе моим первым советником! – воскликнул обрадованный царевич Дмитрий.

Они еще поговорили, и, расставаясь, Сильвестр сказал:

– Мы уйдем с тобой в день благословенного князя Дмитрия Донского. Ты придешь к вечеру в посад Донского монастыря и в доме близ южной башни найдешь меня, именем Игната. В ночь и уйдем.

– Приду, ежели смогу, – не очень уверенно ответил Дмитрий. – Ворота на ночь в Кремле ноне закрывают.

– Тогда днем уходи. Вот ты купил у меня орешковых чернил, а деньги, скажешь, не все отдал. И понесешь их, ежели что, – наставлял Сильвестр. С тем и ушел.

А накануне чествования Дмитрия Донского случилось то, чего инок Григорий больше всего боялся. Шиш-доглядчик из своей же монастырской братии усмотрел на груди Григория царский крест. Видел он подобный в сокровищнице Ивана Великого. Многим показывал тот крест боярин Семен Годунов, дабы шиши знали, кого искать. И предостерег Всевышний инок Григория в одном: разбудил его в тот миг, когда шиш исподнюю рубаху на его груди распахнул. Случилось сие в час отдыха после полуденной трапезы. Схваченный за руку монах отделался шуткой, а вскоре скрылся из обители. Инок Григория словно огнем обожгло: донесет. И он, не мешкая, собрал в суму кой-какие вещички, спрятал ее под сутану и пришел к игумену, показал деньги, отпросился из монастыря:

– Избавь от греха, преподобный отец, обещал ноне принести долг.

– Иди, раб Божий, да к вечерней молитве вернись, – велел игумен и благословил: – Во имя Отца и Сына...

И Григорий покинул Чудов монастырь, покинул Кремль, в стенах которого в молитвах и труде провел два года и в который думал вернуться в подобающем его праву звании. Он благополучно добрался до Донского монастыря, нашел в посаде дом Сильвестра.

Ведун уже приготовился к дальней дороге. Сам он тоже оделся в монашеский наряд. Катерина уложила в две сумы дорожные припасы: хлеб, колобушки, кокурки с запеченным яйцом, вяленого мяса, луку, соль, баклагу с вином – все, что давало возможность путникам не заходить в города и села, дабы не оказаться в руках приставов. Перед заходом солнца, пока заставы были еще открыты, Сильвестр и Григорий покинули Москву.

В тот же вечер в Чудов монастырь пришли люди Разбойного приказа, дабы заковать в железа татя, укравшего царский крест. Они самочинно вошли в дом с монашескими кельями и стали искать инок Григория. Но пришел архимандрит Пафнутий и спросил людей Семена Годунова:

– Зачем вы гневите Бога и чините смуту в обители?

– Мы по государеву делу. Где инок Григорий?

– Его нет в обители, он отпущен в город и скоро вернется. – Но что-то подсказало Пафнутию, что Григорий больше уже не появится в монастыре, и он порадовался за инок.

Люди Семена Годунова ждали Григория всю ночь да так и не дождались. Утром они обо всем доложили боярину Семену. Гневный и яростный, он примчал в монастырь и набросился с руганью на Пафнутия:

– Поднимай свою братию, преподобный, и пусть она обыщет всю Москву и приведет ко мне татя! А не найдете, быть тебе, потакатель, на Белоозере.

Спустя день так все и случилось. Вопреки воле патриарха, Пафнутия лишили сана и сослали в Кириллов монастырь на Белоозере.

Все это Катерина вспомнила по пути к Донскому монастырю спустя несколько недель, как покинули Москву Сильвестр и Григорий. «Да вознаградит тебя, отец Пафнутий, Всевышний за милость к страдальцу Григорию», – шептала Катерина, поднимаясь от Москвы-реки на Якиманку. Она спешила, зная, что вот-вот вернется из дальнего похода Сильвестр. Из Москвы он ушел вдвоем с Григорием, но в пути к ним присоединились два инок Донского монастыря, Варлаам и Мисаил. Сильвестр и его спутники привели Григория в Киев. Там Сильвестр и Григорий пришли к палатам князя Константина Острожского и ведун поручил инок слуге князя Богдану, который был истинным православным христианином и служил не только князю, но и русской церкви. Это был богатырь. За утренней трапезой он съедал молочного поросенка, гуся, кусок говядины, головку сыра, три хлеба и все это запивал жбаном сыты. Потом с нетерпением ждал обеда.

Двор князя Острожского служил пристанищем для всех, кто ненавидел латинскую ересь. Инок Григорий не проявлял к ней любви и потому оказался под надежной защитой. Досадно было Сильвестру то, что в пору их появления князь пребывал в отъезде. И Богдан не знал, когда тот вернется. Но слуга заверил ведуну, что отведет гостя к князю в тот же день, как князь вернется. И Сильвестр покинул Киев с чистой совестью. В пути он нигде не задерживался и вернулся в Москву в тот день, когда Катерина встретила близ Кремля с думным дьяком Андреем Щелкаловым. И теперь Катерина и Сильвестр сходились у Донского монастыря. И надо же быть такому, подошли к дому минута в минуту. Сильвестр вел на поводу усталого коня гнедой масти, купленного им в Киеве, и сам еле тянул ноги.

Катерина откинула с головы старенький ситцевый платок, раскинула на плечи выющиеся волосы и, улыбаясь, ждала Сильвестра. Увидев Катерину, он забыл об усталости и поспешил к ней навстречу. И они сошлись. Сильвестр обнял Катерину, спросил:

– Вижу, ты в горести и куда-то ходила. Что тебе ведомо о Романовых?

– Как я по тебе изошлась, любый. А была я близ Кремля и видела дьяка Щелкалова...

– И что он? Романовых осудили? Казнь? Дыба? Ссылка? – торопливо спрашивал Сильвестр.

– Ведаю одно: Романовы пойдут в изгнание.

– Господи, но сие не самое страшное. Век Бориса сочтен. И тогда...

Катерина посмотрела на мужа печальными глазами, и он увидел в них боль души.

– Тебе еще что-то ведомо?

– Вижу за окомом страдания непосильные... Вижу жальник и три креста над кладуницами трех братьев Романовых. А кто останется жив, пока не ведаю.

– По-твоему, в Волчи пустыни их? – тихо спросил Сильвестр.

– Туда, – ответила Катерина и сама спросила: – А ты все ли исполнил?

– Все. Да за туманом не вижу, как у него впереди...

На Катерину и Сильвестра уже смотрели посадские бабы, ребятишки кружили близ коня.

– Что ж мы тут слупами стоим, – сказала Катерина и направилась к дому на подклете и с высоким крыльцом.

Отдых Сильвестра после дальней дороги был недолгим. Исполнив волю митрополита Гермогена, Сильвестр подумал, что хорошо бы проведать, в какие земли погонят Романовых или хотя бы одного из них – старшего брата Федора.

Катерина согласилась с мужем. И ранним утром в день мученика Лукиллиана ушли к Кремлю, дабы узнать, когда опальных погонят из Москвы. И узнала все в конюшнях Разбойного приказа. Там уже во множестве были приготовлены крытые возки и каждый из них был снабжен цепью, на коей сидеть преступнику, дабы не сбежал в пути. Катерина искала среди конюхов можайского земляка. Его там не было, но она узнала, что конвой с осужденными покинет Москву с наступлением ночи. Не мешкая, Катерина вернулась в посад. Сильвестра нашла в мастерской, где он ковал подсвечники.

– Что там, любя? – спросил Сильвестр.

– Суд и расправа у нашего царя скорые. Нынче в ночь и погонят сердешных, – ответила печально Катерина.

Помолчали. Сильвестр еще постучал по пластине меди, лежащей на наковальне. А Катерина подошла к огню и сосредоточенно смотрела на него. Зрачки ее зеленых глаз сузились до крапинок, но к огню, или от огня к глазам, протянулись два луча. И Катерина увидела то, что раньше не давалось ей. На язычках пламени горна светился образ князя Федора в одеянии архиерея, но с патриаршей панагией на груди. На голове у него не было ни митры, ни клобука. А на губах под опрятной русой бородой играла улыбка. Да и глаза излучали радостный свет. «Господи Боже милостивый, спасибо, что открыл истину!» – воскликнула в душе Катерина. А как погасло видение, ясновидица тихо сказала Сильвестру:

– Родимый, я видела князя Федора. Через плечо омофор и панагия на груди. Быть ему патриархом всея Руси, как наречено пятнадцать лет назад.

Екнуло от ревности сердце Сильвестра. Знал он, что до замужества Катерина любила князя Федора. Не осталось от него сокрытым и то, что вспомнила она в сей миг березовую рощу на берегу Москвы-реки за Звенигородом и хоровод обнаженных дев в полуночную пору на Ивана Купалу. Сильвестр видел, как девы разбежались от костра по роще и как Катерина попала в объятия князя Федора, как он подхватил ее на руки и унес в глубь леса под вековой дуб, и там свершилось таинство их сближения. Тогда-то Катерина и сказала молодому князю, что ждет его в будущем. И теперь в языках пламени Катерина все увидела вновь, возвращаясь к языческой поре юности. Сильвестр и свое в памяти ворошил. Было такое, когда и он подбирался тайком к девичьим хороводам, и не однажды умыкал юных дев и отдавался вместе с ними во власть бушующей молодой плоти. И ему ли упрекать Катерину в том, что он не первым познал радость близости с нею. Да вот теперь они уже многие годы торжествуют вдвоем, потому как в этой женщине, рожденной в пламени, огонь любви к нему разгорается с каждым годом сильнее. Сие он знал точно.

Сильвестр подошел к Катерине, обнял ее со спины, прижал к груди, и они долго смотрели на огонь вместе и видели общее – себя в природном естестве. Молча они ушли из кузни и вошли в избу. И там, в уединении, дали волю своей горячей страсти. Ловкие руки Катерины раскинули на ложе чистые простыни. Потом же она скрылась за печью, сняла одежды, обмыла теплой водой груди, живот и все ниже, и пока натиралась благовониями, побудила раздеться Сильвестра. И он совершил обряд чистоты. Катерина ждала его на ложе, нежилась в ожидании мужа. И он опустился рядом. Он поцеловал ее девичьи груди и жаждущие губы и счастливые, пламенеющие глаза. Он готов был утонуть в своей возлюбленной семеюшке и смеялся и ликовал. Да Катерина, горя от нетерпения, побудила Сильвестра спрятать детородный уд в материнском лоне. И они предались забвению. И одному Богу было ведомо, сколько времени они блаженствовали, и казалось, что конца не было видно их жажде близости. И было похоже, что они забыли обо всем на свете. Ан нет. Все было проще и мудрее. Они свершали свой ритуал пред долгим расставанием. Так уж у них повелось в течение всех лет супружеской жизни, потому

как помогало беречь себя в разлуке от бесовского наваждения. А дело у них всегда оставалось главным.

И когда день склонился к вечеру, Катерина собрала Сильвестра в дорогу, как и прежде, положила в дорожную суму все, что нужно путнику в долгом пути по диким местам. И про чистое исподнее белье не забыла, и баклагу с вином уложила, чтобы поддерживать в пути силы.

Расставались они в тот час, когда на землю опустилась ночь. Они увидели слева серпик народившейся луны и оба подумали, что это к удаче. На прощание Сильвестр сказал:

– Как вернусь, помчим в Казань. Ксюшеньку хочу обнять и подержать на руках, в глазыньки посмотреть.

Катерина легко ударила мужа по плечу:

– Господи, зачем травмишь душу. Уж я-то и вовсе извелась по доченьке. Но в благодати Ксюша, хранимая отцом нашим Гермогеном.

Сильвестр поцеловал Катерину, молча поднялся в седло и, не оглядываясь, покинул двор. Конь ступал тихо по мягкой земле, и никто не слышал, не видел, как ведун в какой раз покинул ночью свой дом.

Катерина еще постояла у крыльца, закрыла конюшню и поднялась в дом, моля Бога о том, чтобы сохранил в пути ищущего истину, и прочитала молитву о путешественниках.

Глава третья

Изгнание

Князь Федор Романов знал, за кого молить Бога о сохранении жизни. Он не сомневался ни минуты в намерении царя Бориса лишить его живота. Будь на то воля Бориса, он бы не только его, Федора, отправил на плаху, но и всех братьев послал бы на казнь, а прежде всех отрубил бы голову князю Александру. Но Всевышний лишил царя Бориса той воли и наградил ею вдвойне патриарха всея Руси Иова-боголюбца. И когда на совете Боярской думы боярин Семен Годунов сказал, что злоумышленники братья Романовы заслуживают казни, что, казнив их, государь заслужит благодарность россиян, когда царь Борис встал, руку поднял, призывая Боярскую думу к вниманию и хотел уже сказать невозвратное слово, сидевший рядом с царем патриарх тоже встал и поднял патриарший посох, трижды стукнул и властным голосом произнес:

– Именем Господа Бога слушайте, дети мои, слово архиереев русской православной церкви. Мы, радители за душу помазанника Божия царя Бориса, склонны к тому, чтобы наш государь всегда был милосерден и не казнил несправедливо, но миловал во благо себе и державы. Грех Романовых очевиден, отравные зелья попусту не хранят. Но мера их греха такова, что заслуживает токмо отлучения от града престольного и покаяния в молитвах. Вижу одну праведную меру: удаление Романовых в дальние обители, дабы там очистились от дьявольского промысла и обрели Господа Бога в душах. Иных сидельцев, по родству и свойству близких к Романовым, милостью согреть царской и отпустить по домам с Богом.

Святейший хорошо знал право церкви, право патриарха – духовного отца всех россиян. И потому был тверд и добился своего: смертные приговоры не были вынесены Боярской думой. Она хотя и утвердила обвинение Романовых в том, что они пытались достать царство, но согласилась с патриархом: сослать виновников в отдаленные монастыри и скиты. В одном Дума не вняла голосу первосвященника. Вместе с родом Романовых сослались князья Сицкие, Черкасские, Лыковы, Салтыковы, а с ними многие из дворовой челяди.

Князь Федор Романов был приговорен к пострижению в монахи и ссылке в Антониево-Сийский монастырь Двинской области, в дикие северные места. Жена Федора, Ксения, тоже была пострижена в монахини и сослана в Заонежье. Два брата Федора сослались в Пермскую землю. А богатыря князя Михаила отправили в тюрьму сибирской Наробы и там приковали цепями к стене.

Царь Борис не пощадил даже малолетнего сына Федора Романова Михаила, коему в эту пору едва исполнилось четыре годика. Его отлучили от матери и сослали в Вологодскую землю вместе с князьями Черкасскими.

Вскоре же после приговора всех осужденных спешно и тайком, в ночную пору вывезли из Москвы и под конвоем погнали в места заточения. Но как не были хитры и осторожны слуги царя и дьяки Разбойного приказа, им не удалось провести россиян. У Романовых и их сродников в Москве оказалось много сторонников и друзей. И видели приставы конвоя, как за ними шли до застав сотни москвитян. Когда же горожане спрашивали, куда гонят опальных, приставы отвечали и не скрывали, в какую землю держат путь. И только приставы, которые сопровождали возок с Федором Романовым, вели себя неприступно, и кое-кто из москвитян получил плетей. Сильвестр не показывался конвоем на глаза и сопровождал его в отдалении до Дмитрова, до Калязина, до Мологи. За Мологой, когда конвой шел уже берегом Шексны, с Сильвестром случился казус. Он уже вывел коня с постоялого двора, чтобы ехать вслед за конвоем. Но к нему в этот миг подъехали два стрельца и один из них, уже в годах, с сивой бородой, потребовал от ведуна:

– Ну-ка назовись! Да не лухти!

– И назовусь, – не дрогнув, ответил ведун. – Да ежели ищете рудого, то скачите вслед ему, там и увидите близ конвоя.

А пока стрельцы переглядывались меж собой, недоумевая, Сильвестр покинул постоянный двор и легкой рысью двинулся по дороге на север. Он ехал и думал о том, кто выследил его. И вспомнил, что в Дмитрове видел Бартенева второго. А тот знал, кто такой Сильвестр, и поди донес, кому следует. И теперь его ищут. Да вот уже и нашли. Что ж, решил Сильвестр, пока он не узнает, куда гонят князя Романова, не свернет с пути, даже если за спиной будут стражи.

Так и ехали весь день: Сильвестр – впереди, а за ним на расстоянии в двадцать сажен – стрельцы. Вот уже и Шексна ушла влево. Дорога вкатилась в мрачный еловый лес, где за каждым деревом можно было скрыться. Но Сильвестр спокойно продолжал путь, и, похоже, стрельцов это устраивало. Они были уверены, что это и есть сам Сильвестр, коего они ищут, и теперь сочли, что он у них в руках. Они разговаривали меж собой, и каждое их слово на лесной дороге, словно по трубе, долетало до ушей Сильвестра.

К вечеру молодой стрелец проявил беспокойство.

– Улизнет он от нас, дядя Кузьма. Заарканить бы...

– И заарканим. – Старый стрелец знал, кто такой Сильвестр, и побаивался его. Потому и не торопился «арканить». – Вот как вызнаем, куда путь держит: ежели пойдет на Антониево-Сийский – берем в хомут, а нет, так пусть идет с Богом на все четыре стороны.

Эти слова старого стрельца пришлись по душе Сильвестру. Выходило, что он не больно-то рьяно служил царю Борису.

Лесная дорога, наконец, выбежала на простор и пролегла через огромный луг, по которому изредка поднимались островки кустарника. Прямо перед собой, почти на окоме, Сильвестр увидел конвой, сопровождающий князя Федора, которого гнали, Сильвестр теперь это знал, в Антониево-Сийский монастырь. И подумал ведун, что ему нет нужды следовать за конвоем до реки Сия, а разумнее вернуться в Москву. И когда миновали луг, и сумерки спустились на землю, и кустарник потянулся вдоль дороги, Сильвестр призвал на помощь благих духов и попросил их опустить на землю туманы, окутать ее. И они вняли голосу блаженного ведуна. Из кустарников на дорогу, словно молочная река, пополз густой белый туман. Он был такой плотный и так внезапно надвинулся, что Сильвестр вместе с конем растаяли в нем мгновенно. Но он не погнал коня вперед, а резко свернул в сторону и скрылся за кустами кустарников, замер. Цокот копыт на дороге остался.

Стрельцы в сей миг переполошились. И старый Кузьма крикнул:

– Удерет, шельмец! Слышишь, помчал?

– Слышу, дядька, слышу!

– Догнать! Схватить! Заарканить! – сполошно кричал Кузьма.

И ретивые стрельцы вслепую помчались неведомо куда.

Сильвестр дождался, когда утихнет стук копыт, повернул коня назад, выехал на луговину и там свернул вправо. Видел он, как ехал лугом, вдали селение на косогоре. Там Сильвестр и решил найти пристанище на ночь.

По летней поре конвой, сопровождающий Федора Романова, двигался медленно. В каждом селении, кои изредка попадались на пути, стражники на сутки останавливались, отдыхали сами и давали князю размять ноги. Его выпускали из возка, и он прогуливался час-другой под надзором стражей, а на ночь его вновь сажали на цепь. Князь страдал от унижения, но был терпелив и хранил молчание. К месту назначения конвой добрался лишь к празднику святой иконы Владимирской Божьей Матери. В этот день по дороге, ведущей в Антониево-Сийский монастырь, шли богомольцы. На берегу озера Михайлова они садились в большие лодки, и

монахи доставляли их на Антониев остров. Там, в церкви Святой Троицы, звонили колокола, звали христиан на богослужение.

Когда конвой прибыл к монастырю, князь Федор выбрался из возка в угнетенном состоянии духа. Его не радовало торжество в честь Богородицы, он не замечал тихой прелести северной природы. Его, сильного и деятельного человека, дальний путь и бездействие довели до отупения. Он не поднимал глаз, не хотел обозреть красу первозданного края. А она здесь торжествовала всюду. Само озеро Михайлово окружали хвойно-березовые леса. Но белостволых красавиц было больше, и лес был светел, как храм в праздничный день.

Монастырь едва виднелся вдали. Высились крепостные стены и сторожевые башни по углам, за стенами поднимались две церкви, каменная и деревянная. Кто-то из стрельцов даже позавидовал князю Федору, проча ему благую жизнь в монастыре. Но Федор не питал надежды на это. Он знал, что ждет опального вельможу в монашеской среде. Князя посадили в большую лодку-завозню, за весла сели стрельцы, ими командовал десятский Матвей. Стрельцы гребли неумело, вразнобой ударяя веслами по воде, десятский на них зло ругался.

Крутая тоска подступила к самому горлу Федора, перехватила дыхание. Увидев вокруг себя зеленые воды, князь почувствовал боль в сердце. Злая воля разрывала его жизнь на две половины, на прошлое, которого у него уже нет, и на будущее, которое лежало во тьме. Все, что связывало его с Большой землей, с Москвой, с близкими, оставалось на удаляющемся берегу, а впереди – постриг в монашество, чужое имя, убогая келья – все, чему противилась его деятельная и общительная натура. И никто не мог открыть князю окно в завтрашний день, никто не мог сказать, сколько лет ему суждено провести в заточении. А то, что ему грозило заточение, а не обычная монашеская жизнь, он знал доподлинно. Стражи во главе с десятским, что были поставлены при нем, везли грамоту Разбойного приказа и повеление царя содержать осужденного князя Федора Романова в оскудении зломом, в каком должно пребывать татю. А царские повеления в монастырях блюлись строго. Так повелось издавна: когда государи преследовали кого и ссылали в монастыри, там им не было милости.

Так оно и было с князем Федором. Едва он сошел на берег, как стражи взяли его за руки, заломили их и при стечении многих богомольцев повели за монастырские стены. Там же десятский Матвей вручил игумену Арефу, который вышел встречать москвитян, грамоту. Ареф прочитал ее, печально посмотрел на князя и боярина Федора Романова, о роде которого знал многое, и молча направился в церковь. В церкви Ареф распорядился принести ножницы, монашескую сутану, клобук и другую одежду. Ножницы он вручил десятскому Матвею. И тот, мучимый совестью, со словами: «Ты уж меня прости, боярин», не поднимая на князя глаз, велел поставить его на колени. И тут Федор проявил непокорство, взбунтовался против насильственного пострижения. Легко оттолкнув от себя стрельцов, бросился бежать из храма, но во вратах храма наткнулся на других стрельцов и в грудь ему была наставлена сабля. Десятский со стрельцами подбежали к нему, схватили и после короткой схватки одолели, повели к амвону, и там Матвей, забыв о муках совести, набросился на Федора, занес ножницы.

Но в сей миг Ареф воскликнул:

– Остановись, воитель!

Матвей удивленно глянул на игумена:

– О чем скажешь? Обряд нарушаю?

– Нарушаешь, сын мой. Ему слово, – и Ареф показал на Федора. – Сын мой, тебе жить в обители, хочешь ли ты моей рукой постриг?

– Милостью прошу, – ответил Федор.

– Повторяй же, – повелел Ареф и начал читать обеты нестяжания, целомудрия и послушания.

Князь Федор все послушно повторил и подставил игумену голову. Ареф взял ножницы и отстриг с головы князя пук волос.

– Да нарекаешься отныне, сын мой, именем Филарета. Приемли и не взыщи.

После этого Федора переодели в монашеские одежды и повели из церкви в низкое деревянное строение, где располагались монашеские кельи. В конце длинных сеней перед Федором распахнули окованную полосами железа дубовую дверь, подтолкнули его в полутемное помещение и закрыли за ним двери, лишь звякнула дверная задвижка.

И Федор-Филарет оказался в келье, похожей на тюремную сидельницу.

В келье не было ни образа, ни лампы. И скудно: скамья, на ней – тюфяк из рядна, набитый мхом – и все убранство.

Федор-Филарет опустился на скамью, прибитую к стене, и застыл, словно мертвый. Да мертвый и есть. Потому как дух его был сломлен и растоптан сапогами годуновских стражей. И нет уже в мире Федора Никитича Романова, первого российского боярина, князя, племянника царицы Анастасии, первой жены Ивана Великого, а есть инок Филарет, человек неведомой впредь судьбы. Осознав всю горечь положения, смирившись с новым именем, Филарет долго сидел без дум и желаний, не ощущая слез, которые стекали на бороду. Прислонившись к стене, он впал в забытие. Сколько он пробыл во тьме, сие сокрыто, но когда пришел в себя, то увидел в келье двух старцев-инок. Они принесли лампаду и образ архангела Михаила, хранителя душ православных христиан. Образ и лампаду они повесили в передний угол на кованые гвозди, зажгли фитилек лампы, помолились и молча ушли. Но вскоре вернулись, принесли кувшин с водой, ломоть ржаного хлеба, луковицу и соли в деревянной солонке. С Филаретом они так и не заговорили, но пока были в келье, он слышал их монотонное и неразборчивое бормотание молитвы. Исполнив свое дело, они покинули келью. И снова двери были заперты на задвижку.

Так начиналось заточение Филарета. В первые дни его выводили лишь по утрам на общую молитву и на хозяйственный двор, где позволяли колоть дрова. Все остальное время суток он проводил в келье, и долгое время его никто не тревожил, лишь раз в день ему приносили скудную пищу и воду все те же два молчаливых инока-старца. Да Филарет и не замечал, кто к нему приходил. Но он не замечал и главного, пожалуй, самого страшного – своего духовного опустошения. В келье он не молился Богу. Потому как забыл все молитвы, не осенял себя крестным знаменем и не испытывал в этом нужды. Он даже пищу принимал с полным безразличием.

В эти первые дни и недели заточения Филарета произошли немалые перемены и в жизни Антониево-Сийской обители. Ее ворота были закрыты для богомольцев. И у ворот теперь вместе с монастырскими привратниками несли караул московские стрельцы с огненной зброей в руках. Монастырь стал тюрьмой, и всем монахам и даже игумену Арефу не разрешали разговаривать с иноком Филаретом.

Всего этого Филарет не знал. Но позже, когда постепенно успокоился, смирился с обстоятельствами жизни, увидел, в каком состоянии неприязни приходили к нему иноки-старцы, он понял, в какое оскудение быта он вверг своим появлением монастырскую братию. Монахи порицали Филарета. И лишь однажды один из инок-старцев, посещавших его келью, страдающий за Филарета, несущего тяжкий крест опалы, нарушил запрет молчания, принес ему молитвослов и коротко сказал:

– Пробудись, брат мой, читай и моли Всевышнего о милосердии.

Потом Филарет скажет, что ежели бы не эти слова ободрения, изощел бы он тоскою и наложил на себя руки, потому как побуждение к тому приходило не раз.

В тот день перед сном Филарет впервые встал на колени пред образом Михаила-архангела и сперва как-то робко, будто впервые, а потом все усерднее стал молиться. И пробудилась память, он вспомнил каноны и молитвы, да больше те, с которыми в трудные минуты жизни обращался к Господу Богу. И первым канон, коим откликнулась его душа на призыв инок-старца, был канон покаянный.

– О, горе мне грешному, – молился страстно Филарет. – Паче всех человек окаян есмь, покаяния несть во мне; даждь ми, Господи, слезы, да плачуся дел моих горько...

И пролились слезы облегчения, на душе стало светлеть, и, дабы сохранить проблески обновления, Филарет вознес к небесным Святым Духам канон покаяния Ангелу Хранителю:

– Все помышление мое и душу мою к Тебе возложи, хранителю мой. Ты от всякие мя напасти избави...

Наступила глубокая ночь, а Филарет все молился, и память его очистилась от замутнения, все молитвы, кои он выучил в отрочестве, открывались ему, как на страницах книги. И очищалась душа его от всякой бесовской скверны, от жестоких и безрассудных побуждений, от злобы и жажды выместить ненависть на преследующих его. И уже под утро, встав с колен на одеревеневшие ноги, он тут же упал на скамью и, прошептав: «Господи, спаси и сохрани», – уснул в сей же миг, и так крепко, как никогда не спал последние месяцы жизни.

И было в том благодатном сне Филарету явление многоликое. Да первым сошел к нему архангел Михаил – хранитель и заступник. Поначалу Филарет засомневался: он ли? Но потом узнал его. Он увидел, что архангел препоясан и сабля на боку висела, потому как служил он у Всевышнего в архистратегах. И крылья виднелись у архангела за спиной. Все, как и положено иметь Святому Духу. Он же сказал Филарету:

– Зачем, сын Божий, забыл о своем заступнике? Сколько ден и ночей провел в келье, а только ноне преклонил колени и помолился пред образом моим.

– Прости и помилуй, заступник-хранитель, – взмолился Филарет. – Грешен и пребывал во власти бесов.

– Слушай теперь во благо спасения. Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душою твоею, и всем разумлением твоим. Истинно любящий Бога презирает славу, богатство и все утехи мира считает за ничто. Проси Всевышнего быть всегда с тобой. И Он будет страдать с тобою вместе, и ты обретишь блаженство.

– Внемлю тебе, ангел-хранитель и архистратег Всевышнего. Но враг попирает меня и озлобляет и поучает всегда творить своя хотения. Но ты, наставник мой, не оставь меня погибающим, – умолял Филарет архангела Михаила.

– Аминь! – ответил Святой Дух и улетел, лишь шелест крыл отметил его полет.

Еще и пот с лица не успел смахнуть Филарет после беседы с архангелом Михаилом, как послышался тонкий, взывающий о помощи детский голосок. Филарет в сей же миг узнал своего Мишеньку, а тот кричал в ночи: «Батюшка, спаси, родимый!» Голос прозвучал близко, а тот кричал, будто бы на речке погибал. И Филарет ринулся спасти его. Ан не тут-то было, вырос пред ним десятский Матвей. «Не пушу! Не велено!» – зыкнул он. «Сынок там, сынок на погибель брошен!» – и ответ – нацеленный в грудь бердыш. Матвей был ловок и силен, прижал Филарета к стене древком бердыша, потребовал: «Деньги давай, а там иди!»

Филарет взялся искать по карманам деньги, а там одни камни. В сей миг голос Миши оборвался на полуслове: «Батюшка, спа...» И десятский Матвей развел руками, в голубых глазах даже слезы появились: «Я же говорил, деньги давай». Филарет сказал: «Вот возьми», – и раскрыл ладони, в которых держал камни. Там же по десять ефимиков лежало. «Эвона, благо какое! – воскликнул Матвей. – Спасу я твоего сына!» – и убежал.

Матвей показался Филарету лукавым бесом. Он опустил на колени перед свечой и зашептал: «Господи милостивый, зачем Тебе понадобился мой сынок? Верни его мне, милосердец. Я обездолен, лишен воли и семеюшки! Оставь мне сынка, Всемогуший». Да перестал стенать, потому как почувствовал, что на плече у него лежит чья-то рука. Посмотрел он влево – никого, вправо глянул – рядом ведунья Катерина сидит, такая же молодая, как много лет назад в лесу за Звенигородом. «Не печалуйся, князь любый. Сон тебе неверный пришел, – сказала ласково Катерина. И рукой провела по лицу Филарета. – Видишь сынка, он рядом с княжичем Иваном Черкасским сидит за трапезой». – «Вижу, вижу, Катенька! Дай Бог тебе здоровья. Да ты все тако же молода и красива, как в ту пору...» – «А я и есть из той поры. – И Катерина снова провела рукой по лицу Филарета. – Ты вот чему внимай, князь любый, приласкай Матвея.

Денег ему пообещай и дашь, как тебе их пришлют тайно. Он же страдает от бедности и жалостливый». «А что сие даст, Катюша?» – спросил волнуясь Филарет. «От доброты своей солнце увидишь. И людей подобных себе найдешь, добротой одаренных. Душа в покой придет, как в храм дорогу обретишь, как руками к работе прикипишь». «Смогу ли я подняться?» – печально спросил Филарет. Катерина еще раз рукой провела по лицу Филарета. «Сможешь. Видишь дуб вековой, под коим я нарекла тебе будущее. Все и сбудется, как с верой и стойкостью по жизни пойдешь. Все через терпение придет». Филарет еще дубом любовался, себя и Катерину под ним видел. А она встала и тихо ушла, дверь скрипнула.

В тот же миг Филарет проснулся, со скамьи поднялся, за ручку двери ухватился. Она была крепко закрыта. И стало Филарету жутко от всего, что пришло ему во сне. Но по здравом размышлении он понял, что сон, пришедший в ночь на четверг, вещий и страшного в нем ничего нет, наоборот: уж коль явилась Катерина и все расставила по своим местам, то так тому и быть. К тому же Мишеньку, сыночка, показала и княжича Ивана – тоже. Как тут быть в сомнении и печали?

И Филарет встал на утреннюю молитву. Пока молился, за маленьким оконцем пробился рассвет и в силу пошел, ночи-то по северу в эту пору еще короткие. Филарет подумал, что в монастыре уже не спят, и постучал в дверь. Но никто не отозвался. Спустя немного еще раз постучал. К двери, похоже, подошел стрелец, спросил:

– Чего тебе?

– Слушай, родимый, позови десятского Матвея, Христом Богом прошу!

Стражник не ответил, но шаги его удалялись долго. Прошел, может быть, час или два, Филарет не знал времени, и вовсе неожиданно для него загремел засов, дверь распахнулась, на пороге возник Матвей.

– Вот я пришел. Что тебе нужно? – Матвей не смотрел на бывшего боярина, а взирал на образ Михаила-архангела.

– Войди в келью, служивый, и двери закрой, – попросил Филарет.

Матвей вошел в каморку, дверь закрыл, к косяку прислонился.

– Ноне сон мне пришел, – начал Филарет, – явилась в келью ясновидица Катерина и сказала о тебе. Ты, говорит, живешь в бедности, потому как чадами обременен и службой тяготишься, не мздоимствуешь, ибо совестлив. Да говорит Катерина: помоги ему из нужды вылезти, а он тебя на солнце выпустит. Говорю истинно. – И Филарет перекрестился. – Правда ли сие, Матюша?

– Дивно сказал, – удивился десятский и признался: – Что уж там, все сие есть правда. Да проку ни в твоём, ни в моём откровении не вижу.

В Филарете вспыхнул тлевший природный дар умения попросту обращаться с кем угодно.

– Полно, Матюша, я за добро всегда добром плачу. Царь-батюшка меня не совсем разорил, и други верные есть, кои помогут. Потому и тебе окажу помощь, избавлю от маяты нищенской, слову моему поверь. Я вот ожил после нонешних явлений и работать хочу во благо Господа Бога. Потому и прошу: прояви ж милость.

– Знаю твоё слово, боярин, и верю. Да ведь меня живота могут лишить лютой казнью, ежели волю тебе дам.

– Передай сие Арефу, вместе помаракуйте. А я с острова – ни ногой! – заверил Филарет.

Матвей долго о чем-то туго соображал, сказал же коротко:

– Ладно, жди моего слова. – С тем и ушел.

И Филарет стал ждать этого «слова». Но дождался его не скоро. Да верил, что Матвей сделает для него посильное. И потому ожидание было деятельным. День за днем он учил молитвы, запоминал их. А однажды ранним утром у Филарета появилось желание написать свою молитву. Были сомнения: как дерзнуть на подобное, не порочно ли сие желание? Попро-

сил Всевышнего просветить ум и остановить от ложного шага. Всевышний молчал. И Филарет принял сей знак за одобрение, попросил принести ему бумаги, чернил, перо. А как получил все, взялся сочинять молитву. Давалась она трудно. Филарету еще не хватало душевного равновесия. Однако он был упорен. И однажды ночью в его душе зажегся неувечерний свет и осветил всю жизнь Филарета, все его деяния. Они были разные, да высветились и такие, кои вели к греховности. Филарет понял, что есть у него только один путь – к покаянию и очищению. Должно вымолить у Всевышнего прощение за все, к чему толкали бесы, за блуд и измену супружеским узам, за бранное слово, за рукоприкладство, а прежде всего за тьму грешных мыслей, за слабость веры, потому как многожды открывал свое сердце демонам и всякой другой нечисти. Обо всем этом Филарет излил душу коленопреклоненно, пред иконой и лампадой.

– Господи! Не знаю, что просить у Тебя! Ты один ведаешь, что мне потребно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить себя! Отче! Дажь рабу Твоему, чего сам я просить не умею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения, только предстою пред Тобою. Сердце Тебе мое отверсто. Ты зришь нужды, которые я не знаю, зри и сотвори по милости Твоей. Порази и испепели, низложи и подыми меня. Благоговею и безмолствую пред Твоею святою волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Нет у меня желания, кроме желания исполнить волю Твою. Научи меня молиться. Сам во мне молись. Аминь. – И Филарет многожды сделал земные поклоны, и продолжал изливать душу, ощущая всем существом своим ее полноту молением. – Милосердный Господи! Пошли благодать Твою в грешное сердце мое, да испепелит сила Твоя Божественная всякое терпение в нем по благоволению Твоему! Нищ и убог есмь, но Ты помози мне. Аминь!

Филарет не озирался на темные углы кельи, но знал, что в сей миг там пребывают Святые Духи, архангел Михаил-хранитель и архангел Рафаил-целитель, и радовался тому, что они посетили его в час очищения. И продолжал разговаривать с Всевышним:

– Многомилостив Господи! Сподобь нас Божественного дарования святой молитвы, изливающейся из глубины сердечной, собери рассеянный ум мой, дабы всегда стремился он к Тебе, Создателю и Спасителю своему; сокруши разженные стрелы лукавого, отторгающие нас от Тебя, угаси пламень помыслов, сильнее огня пожирающий нас во время молитвы, осени нас благодатию Пресвятого Духа Твоего, дабы до окончания нашей греховной жизни Тебя Единого любить всем сердцем, всею душою и мыслию, и всею крепостью и в час разлучения души нашей от брэнного своего тела. О, Иисусе Сладчайший, прими в руце Твои души наши и помяни нас егда приидеши во Царствии Твоем. Аминь!

В сей миг предельного напряжения, когда закончил складывать свою молитву, Филарет впал в забытие. И тогда архангелы Михаил и Рафаил подошли к иноку, взяли его под руки, помогли встать и вывели из кельи на монастырский двор. Следом за Святыми Духами шел десятский Матвей.

Стояла августовская полночь. Звездное небо то тут, то там прочерчивали души проживших в чистоте деяний, теперь почивших и возносящихся в Эдем-Рай.

Филарет вздохнул полной грудью, ощутил несравнимое ни с чем чувство свободы и заплакал от счастья, так исстрадался он по свежему воздуху ночной поры. Он был уже один, архангелы его оставили.

Монастырь спал. Филарет неторопливо направился к деревянной церкви, дабы возблагодарить Бога. Он был спокоен и уравновешен. И возблагодарив Всевышнего за подарок судьбы, он помолился за спящих иноков Антониево-Сийского монастыря, попросил Спасителя, чтобы послал обители мир и благодать.

Инок Филарет еще не ведал, что с этой августовской ночи, принесшей неисчислимые беды россиянам, начинался новый отсчет его жизненного подвига. И по всей державе люди еще пребывали в неведении своего сурового будущего.

А в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое августа случилось то, чего Русь не испытывала никогда в своей многовековой истории. Над центральной Россией разверзлись тверди небесные, повалил снег и ударил мороз. И все поля, луга, сады, огороды, леса, реки заковало льдом. Три дня шло умирание природы, которая к этому времени была готова одарить россиян богатым урожаем. Когда же через три дня мороз схлынул, снега и льды растаяли, стало очевидно, что державу ожидает великая беда – небывалый голод.

...Усердно помолившись, Филарет вышел из храма и увидел стоящего на паперти Матвея. Он смотрел на Филарета открыто и с уважением. Романов подошел к нему, и Матвей сказал:

– Зачем ты сокрыл от меня, как просил воли, что за тобой святые силы стоят?

– Сын мой, хвала себе – великий грех, сатанюю внушаемый.

– Ты теперь гуляй вольно по островам, кои на озере есть. О том просили меня Святые Духи, кои явились мне ноне в ночь. Да с ними была блаженная, обликом огненно-рыжая.

– Что она тебе поведала?

– Токмо показалась. Да ведома она мне. И потому прошу тебя, боярин, о милости. Накажи ей, дабы сына мово Антона-отрока в услужение взяла.

– Накажу, как из Москвы человек придет. И во благо Антону-отроку желание твое проявилось. Теперь же иду твоим словом волей дышать.

И Филарет сошел с паперти, направился к роше.

Глава четвертая

Исцеление

В послушании и молитвах прошли три года заточения Филарета Романова в Антониево-Сийской обители. В эти годы Филарет много читал, познавал истоки христианской веры. Он смирился с тем, что судьба уготовила ему сан священнослужителя. И потому хотел быть сведым во всем, что связано с православной, греческого закона церковью. В монастыре он нашел много книг об этом. Находились и такие, которые были написаны во времена Киевской Руси или привезены в Киев из Византии, а теперь каким-то чудом оказавшиеся в северных краях России.

Чтобы прочитать книги греческого письма, Филарет постиг греческий язык. И был доволен тем, что узнавал историю православной христианской религии по первоисточникам. Он познал труды богослова, философа и историка, известного церковного сочинителя Михаила Пселла, жившего в одиннадцатом веке. Сочинения архиепископа Солунского Евстафия «Рассуждения о необходимости исправлений в монашестве» открыли ему глаза на многие стороны монастырского быта. За прошедшие годы заточение Филарета стало терпимым. Годуновы о нем, похоже, забыли, и никто не притеснял его монастырской свободы. Матвей получил обещанное вознаграждение. Привез деньги келарь монастыря, который ходил в Москву с обозом мороженой рыбы. Катерина, которую келарь нашел, передала ему не только деньги, но выполнила другую просьбу Филарета, взяла в услужение сына Матвея Антона и попросила Сильвестра учить его торговому делу. В Москве они в ту пору не задержались, снова уехали в Казань.

В начале второго голодного лета Матвей со стрельцами был отозван в Москву. И теперь за Филаретом по поручению игумена Арефа надзирали только монастырские служки. Он им не доставлял хлопот, потому как был самым послушным и исполнительным монахом и проявлял много рвения в служении Господу Богу.

Однако в Филарете подспудно еще многое оставалось и от прежнего удалого князя Федора Романова. Переболев из-за отлучения от мирской среды, он сохранил жизнелюбие. А его человеколюбие проросло христианским милосердием. Он болел душой за каждого страждущего. Князь Федор был любознательным в постижении ученой премудрости, и Филарет не растратил сей дар, но умножил его.

Однажды Филарет задумал узнать, с чего начинался Антониево-Сийский монастырь. И дотошно исполнил свое желание. Он нашел в монастыре старцев, которые хранили предание об основателе обители преподобном Антонии и в часы свободные от бдения и молитвы они рассказывали Филарету доподлинную жизнь подвижника. И Филарет возлюбил Антония, свершившего подвиг во имя веры.

В миру Антоний, именем Андрей, был сыном земледельца из села Кехты, кое лежало в тридцати верстах от Архангельска. С детства у него пробудилось влечение к живописи, и он пристрастился писать иконы. А повзрослев, после кончины родителей, ушел в Новгородскую землю, там вступил в услужение к боярину, который держал иконописцев. В дворне боярина он встретил милую девушку и соединился с нею в церкви венчанием. Да недолгим был путь рабы Божьей Аглаи по земной юдоли. Господь взял ее к себе за ангельскую кротость. Андрей перед алтарем поведал, что видел, как душа его любимой супруги вознеслась в Царство Небесное. Овдовев, Андрей принял обет безбрачия и служения Богу. Он вернулся в родную Кехту, роздал бедным имущество, кое осталось от родителей, и ушел искать обитель, чтобы принять там постриг.

Однажды, после долгого дневного пути, Андрей уснул в лесу под разлапистой елью и во сне увидел святого мужа. Тот сказал ему: «Ведаю, ты хочешь посвятить себя служению Богу.

Иди в Пахомьеву пустынь. Зри на главную ночную звезду и придешь на реку Кену». Андрей поверил в сновидение и отправился в путь, все на север по Полярной звезде. Добрался до реки Онеги, вышел к реке Кене и там нашел Пахомьеву пустынь. Порадовался, потому как без явления святого мужа блуждал бы во тьме лесов.

Как исполнилось тридцать лет, Андрей принял монашеский сан и взял себе имя Антония. Нраву неугомонного, он искал место для подвига. И пробыв в Пахомьевой пустыни совсем немного, уговорил двух иноков, Иоакима и Селесандра, и ушел с ними в дикие леса. Остановился вначале на реке Шелексе и основал там пустынь. Три подвижника за зиму срубили церковь во имя Святого Николая Чудотворца, поставили зимник.

Филарет искренне восторгался подвигом подвижников и не ведал еще, как обернется все то, что он узнавал о преподобном Антонии. Но за радение о святом старце он уже ощущал благо: монахи относились к Филарету почтительно.

О новой церкви на реке Шелексе прослышали в округе. И потянулись к ней богомольцы. Многие же остались в пустыни, приняли иночество. И зародился новый монастырь. Да крутого нраву оказались крестьяне ближней к монастырю деревни, не дали земли монахам под хлебопашество. Антоний осердился на них и ушел. На прощание сказал: «Живите ни голо, ни богато».

Он добрался до реки Си, здесь нашел озеро Михайлово с островами. Ему полюбилось это озеро, окруженное светлыми лесами. В печальной красе озера было что-то таинственное. В нем водилось множество рыбы, была и красная – кумжа. Узрев вдаль большой остров, Антоний решил до него добраться и заложить там новый монастырь. А пока построил на берегу озера келью и жил в ней. А как пришли однажды к озеру богомольцы, так нашел среди них доброхотов и послал их к великому князю всея Руси Василию Ивановичу с прошением возвести на острове Михайлова озера монастырь.

Еще не ведая, чем закончился поход северян в Москву, Филарет догадался, что великий князь Василий Иванович, отец Ивана Великого, благословил доброхотов. Так оно и было. Прислал великий князь Антонию грамоту жалованную и церковной утвари воз на обзаведение. То-то было радости у Антония. Да тут же он по льду перешел на остров и принялся рубить церковь в честь Святой Троицы.

Антоний стоял игуменом основанного им монастыря тридцать семь лет и преставился в 1557 году, спустя год после рождения Федора Романова. И зародилась у Филарета жажда отметить свое пребывание на острове хотя бы малым подвигом в честь преподобного Антония.

Неподалеку от монастырского острова поднимались два малых острова – Дудинцы и Падун. Сказывали Филарету старцы, что на Дудинце два года прожил отшельником сам Антоний. И было это в ту пору, когда он отказал братии встать над ними игуменом. Антоний ушел на остров по льду, взяв с собой лишь топор и суму с харчами. Там срубил келью. А пока рубил, жил в землянке. К нему многожды приходила монастырская братия, просила его вернуться в монастырь, избавить их от сиротства. И каждый раз Антоний отказывался встать над братьями. И лишь спустя два года его упросили вернуться в обитель и быть среди братии простым иноком. И Антоний вернулся. Да вскоре же услышал в ночи плач монашеский: просила братия Всевышнего вразумить Антония встать игуменом. Он же внял этому плачу, взял на себя отцовские заботы. И простоял преподобный Антоний игуменом до конца дней своих, почитаемый и любимый братией.

Добравшись в лодке до острова Дудинцы, Филарет нашел келью. Она уже подгнила местами, но жить в ней еще можно было. Осмотревшись, Филарет выбрал неподалеку холм, с коего далеко все окрест виднелось. Место для часовни пришлось по душе, и инок взялся рубить лес, заготовил дубовых колод на поставы. А вскоре положил на них первый тоже дубовый венец часовни в честь преподобного Антония.

Филарет работал усердно. Вставал он чуть свет, а по летней поре северному дню и конца не видно, заря с зарею сходятся, и не выпускал топора из рук, пока из монастыря не приезжали служки и не привозили ему пищу. Покончив с трапезой, Филарет снова брался за топор, рубил углы, выбирал пазы в тяжелых сосновых бревнах. Часовня росла споро, и к осени стены ее поднялись под кровлю. И подгоняло Филарета честолюбие. Хотелось ему утвердить свое имя в Антониево-Сийском монастыре. Знал инок, что в том его желании таился грех, а совладать с ним не мог, но молился усердно.

Еще в молодости князь Федор Романов узнал, что честолюбие есть родовое достояние всех Захарьиных, Кошкиных, Романовых, начиная от князя Андрея Кобылы. Да сию толику в ту пору Федор не считал греховной. Ему же лично быть всегда в числе первых меньше всего помогала сия родовая черта. Заслугой тому были ум и деловитость Романова. В отличие от многих московских сверстников, у Романова не было ни лукавства, ни пронырства, дабы достичь державных высот, но во всех деяниях торжествовала честь. Он не позволял себе кого-то оттолкнуть с пути, и уж тем паче – перешагнуть через кого-то, как сие делал Борис Годунов.

И здесь, в монастыре, желание быть во всем первым, но по чести, не осталось незамеченным. После того как Филарет поставил на острове Дудинцы часовню, игумен Ареф приблизил Филарета к себе, и на четвертом году пребывания в обители он был рукоположен в сан священника.

После трех голодных лет Россия вновь ожила. И снова из Москвы стали следить за ссыльными Романовыми. И грамоты поступали в места их заточения, в коих приставам приказывали «береженье держать большое». Но приставы, корысть имея, чинили Романовым многие мерзости. В Антониево-Сийский монастырь они только наезжали, да и то изредка. Но всякий раз, видя чинное житие священника Филарета, они, однако, искажали суть его поведения и докладывали дьякам Разбойного приказа черную ложь.

В марте 1605 года явился в обитель некий мздоимец Щекин. Он добивался, чтобы Филарет отдал ему нателный золотой крест. Но Филарет не поощрил кощунства пристава Щекина. Уехал пристав ни с чем, а боярину Семену Годунову нажаловался: «Живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит все про мирское житие, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил, а к старцам жесток, лаает их и бить хочет, а говорит старцам Филарет: увидят они, пинков впредь будет».

Когда эта ложь доходила до Филарета, сие не угнетало его, он только улыбался и был выше той клеветы. Да была в грамотах приставов и доля правды: давно вышел он из уныния и радовался жизни. Филарет предвидел время перемен. Он хорошо помнил, сколько лет отвели ведуны Борису Годунову на царствие. Однажды, после вечерних молитв, Филарет высчитал, что роковая черта на пути Годунова пролегла через апрель 1605 года. Филарет не сомневался, что за этой чертой Годунова ждет не отлучение от трона, а скорая смерть. Причин этой убежденности Филарет не ведал и мысли о том считал кощунственными, греховными, много молился, дабы изгнать беса, толкающего на грех. И ничего не помогало. Филарет радовался каждому минувшему дню, торопил приход апреля. Ругая беса: ах какой упрямец, Филарет улыбался. Что ж, у него было на то основание. Слишком жестоко расправился царь Борис с родом Романовых. За проведенные в изгнании годы в Антониево-Сийском монастыре Филарет узнал немало печального и трагического о судьбе своих братьев. Келари монастыря, кои ходили за товарами в Москву и далее, приносили немало разных слухов. Они же известили Филарета о том, что в Наробе от мук и голода скончался средний брат, богатырь Михаил. Он все пять лет был прикован к стене камеры цепями, и кормили его только овсом и чечевицей. В зиму пятого года келари принесли новую жестокую весть. Неведомо как, сказывали они, погиб второй брат Филарета, погодок Александр. Пропал и Василий, умница и гулена. Филарет страдал за братьев, молился Всевышнему, просил, чтобы взял их души в Царство Небесное. Здравствовал

пока лишь младший брат Иван. И о нем просил Филарет Господа Бога, чтобы сохранил ему жизнь.

Дошли до Филарета вести и о том, в каком жестоком притеснении отбывали заточение князья Черкасские, при которых возрастал сын Филарета Миша-отрок. Мальчик много болел. Приставы часто запугивали его страстями, он рос нервным и трепетал от каждого шороха.

Не было у Филарета причин жалеть царя Бориса. И потому он молился Господу и просил Его исполнить начертанное судьбой. Для себя Филарет в случае кончины царя Бориса желал лишь одного: поскорее увидеть родных и близких, вернуться в родовой дом, вздохнуть полной грудью свободы – вот и все. В нем не было желания пуститься в какие-либо дворцовые игры-интриги. Знал Филарет, что монашеский клобук, прибитый к его голове, не снять и он лишен права быть царем. А если бы не клобук... Он же, Филарет, в родстве с покойным царем Федором, все-таки брат двоюродный. Да сказывали, что, умирая, царь Федор завещал престол старшему Романову. Теперь сие кануло в Лету. Потому и вынашивал Филарет желание увидеть на престоле российском царевича Дмитрия. Филарет уже знал, что Дмитрий объявился в Северной земле. Знал и то, что Дмитрий собрал войско в Путивле, что многие воеводы к нему прибились и бояре, дворяне, служилые люди крест ему целовали. Вскоре же и новые вести прилетели на Михайлово озеро: Дмитрий отправился в поход на Москву, дабы взять по праву принадлежащий ему трон. Сказывали, что шел Дмитрий споро, почти не встречая сопротивления царского войска. Оно, рать за ратью, переходило на сторону Дмитрия. В Москве по этой причине весь царский двор, а прежде всего царь Борис, пришли в панику, в стольном граде стояла неразбериха, хаос.

Новые вести приносили Филарету не только монастырские келари и богомольцы. За три ночи до Светлого Христова Воскресения пришел в полночь к Филарету Дух святого Учителя покаяния Ефрема Сирина и спросил Филарета: «Страдаешь ли ты душою за царя Бориса?» «Страдаю», – ответил без сомнений Филарет. «А сердце твое отверзает его?» «Отверзает», – честно сказал Филарет. «Вот он преставился в день святого Мартина-исповедника, ушел без покаяния и причащения Святых Тайн. Как мне быть, Учителю покаяния?»

Удивился Филарет тому, что мудрый Ефрем Сирин просит у него совета. Ответил: «Помолись за раба Божия Бориса, и я помолюсь. Да тщетно: гореть ему в геенне огненной». – «Все так, – согласился Ефрем Сирин. – Да он помазанник Божий, и ангелы-судьи сказывают, что ему быть в чистилище. Но не возьмешь из ада, потому как покаяния не было». – «И не тщишься брат, Учитель, пусть пройдет очищение в преисподней через все круги ада». – «Оно так и будет, – согласился Святой Дух. – Прощай, страстотерпец». – И Учитель обернулся голубем, улетел.

Пятнадцатого апреля 1605 года на утренней молитве в каменной церкви Пресвятой Богородицы к Филарету подошел игумен Ареф.

– Брат мой во Христе, ноне ночью в час бдения ястреб в часовню влетел и упал на амвоне замертво. Спросил я преподобного Антония, к чему бы сие. Он же велел колоколами попечаловаться. А кто преставился, не поведал. Посоветуй, как быть?

И Филарет попросил прощения у Отца Предвечного. Арефу же дерзнул ответить:

– Звони в колокола, преподобный отец. Вчера преставился государь всея Руси. – Самому Филарету стало жутко от сказанного. Что, ежели все обернется не так, как усмотрел? «Ан нет, не я усмотрел, а Святые Духи сокровенное донесли. Как им не верить?! Так и от Господа Бога можно отшатнуться!» – сурово упрекнул себя Филарет. И утвердил сомневающегося игумена: – Звони, брат мой во Христе, звони!

И по утренней заре над Антониевым островом, над озером и вдали над лесами и рекой Сией разнеслись плачевные звоны. Никто в обители не знал, по ком звонят колокола, потому как ни Ареф, ни Филарет никого не просветили.

Звонарь изливал колокольную печаль долго и усердно. И сей звон был услышан в далеком селе Звозы, и там старенький священник сам поднялся на маленькую колоколенку и сам ударил в стопудовик, тоже стал звонить-печаловаться.

Да было же в тот апрельский день Иверской иконы так, что от первопрестольной Москвы покатались плачевные звоны на все четыре стороны света и в тот же день достигли северных земель. И уже к вечерней молитве долетели до Антониево-Сийского монастыря, и обитель узнала, что умер царь Борис Годунов.

Перед вечерней трапезой игумен Ареф при стечении всей братии трижды поцеловал Филарета и сказал:

– Брат мой, ты был чтим мною в иноках и в священниках. Ныне склоняю голову пред тобой за чудотворную силу. Преподобному Антонию я поверил с сомнением. Ты укрепил мой дух. Да хранит тебя Господь Бог долгие лета.

Филарет внимал словам Арефа с благодарностью. От него он не испытывал притеснений за все годы пребывания в монастыре. Да пришло время расставания. И бывший князь-боярин Федор Романов в сердечном порыве опустил на колени и поцеловал руку игумена.

– Спасибо, отец преподобный, ибо я есть твоими молитвами и заботами. В том твое милосердие ко мне.

В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое апреля, когда шло празднование Светлой Седмицы сплошной и в монастырской церкви состоялась всенощная, Филарет не сомкнул глаз. Он много молился с братией, пел псалмы, каноны, покаянный к Господу Иисусу Христу и молебный Пресвятой Богородице и Ангелу Хранителю.

И в эту благодатную ночь за молитвами и пением к Филарету пришло очищение и исцеление от греховных мыслей, от черной ненависти к Борису Годунову. Он прощал усопшему рабу Божьему все его грехи, все злодеяния, причиненные роду Романовых. Он прощал Борису и то, что тот захватил трон несправедным путем, оттеснив его, Федора, от трона, как наследника царя Федора по материнской линии – по кике.

На рассвете, который наступил рано, Филарет тихо вышел из храма, из монастыря и долго бродил по острову, размышляя о том, что ждало его в будущем. И пришел к твердому убеждению и намерению остаться на всю отпущенную Всевышним жизнь священнослужителем. Только служение Богу и его детям, россиянам, может дать человеку ощущение всей полноты бытия, счел Филарет. Как важно в этом суровом мире, в державе, повергнутой в смуту, дать страждущим надежду на вечное блаженство в Царстве Небесном после праведных трудов на грешной земле.

Но жажда служить Господу Богу, Филарет не думал заточить себя в монастырских стенах. Он хотел быть священнослужителем белого духовенства. Ничто земное ему еще не было чуждо. И он слишком любил жизнь такую, какая она есть. Он любил семью, детей. Где-то за Белоозером была в ссылке его жена. Он тосковал по своей Ксении-костромичке. В прежние годы кто-то пускал слухи, что его, Федора, женили на Ксении силою, дабы унижить достоинство князя с родством низкого происхождения. Ан нет, не удалось недругам опорочить князя-боярина. Ксения была дворянкой уважаемого костромского рода Шестовых. И всю жизнь они прожили в согласии и детей нажили, коих без любви не обретишь.

Мысль о детях всегда глубоко ранила Филарета. Одних уже не было в живых, умерли во младенчестве, другие – неведомо где. О двух дочерях до него так и не дошли никакие слухи за время пребывания в монастыре. Сумеет ли он собрать их под свое крыло, как вернется из ссылки? Еще Филарета волновало разорение. Ежели ему не вернут того, что силою отторгнул-изъял Борис Годунов, то он – нищий.

Много загадочного и неразрешимого возникало перед Филаретом в последние дни жизни в обители. Не было у него и ответа на главный вопрос: встанет ли на российский трон царевич Дмитрий? Не благословил ли Борис Годунов на царство своего сына Федора? Ой как не желал

последнего Филарет. И с нетерпением ждал из Москвы новых вестей. А их все не было и не было. Но вот в день Радуницы – поминовения усопших – пришли в монастырь богомольцы и поведали то, чего так боялся Филарет. Они принесли весть о том, что сына Бориса Годунова, семнадцатилетнего Федора, венчали на царство.

Филарет сник духом. Не ждал он себе милости от младшего Годунова, да больше от его окружения. Надо думать, считал Филарет, Семен Годунов останется при власти и за ним – Разбойный приказ.

Но после богослужения и поминовения усопших к Филарету на исповедь подошел молодой торговый гость, с живыми карими глазами и, как показалось Филарету, очень похожий на десятского Матвея. «Не сын ли стрельцам?» – подумал Филарет. И не ошибся.

– Отец преподобный, батюшка мой, десятский Матвей, шлет тебе низкий поклон, – тихо прошептал он. – Велено тебе передать, чтобы ждал скорого облегчения. Царевич Дмитрий стоит в Серпухове.

– Вести отрадные. Спасибо, сын мой. Да хранит тебя Господь в пути и в ночи. Как твой батюшка мается?

– Истинно мается. Матушка и два моих братца да три сестрицы от моровой язвы умерли в голодные годы. А батюшка постригом озабочен, от мирской маеты уйти надумал.

– А ты как?

– Дай Бог долгих лет жизни тетушке Катерине и дяде Сильвестру. Их заботами в Казани торговому делу учился при владыке Гермогене.

– Как он, достойный воитель?

– В силе пребывает и в Москву отбыл.

Филарет был благодарен судьбе за то, что послала ему Антона, будто родного человека встретил. И провожал его с грустью. А после отъезда Антона две недели никаких новых вестей не приходило. Да была надежда у Филарета на то, что их принесут богомольцы на день Святой Троицы – праздник Пятидесятницы – явления Духа Божия в церкви. К сему дню стекались православные христиане из многих селений северной земли, расположенной на сотни верст от монастыря. Филарет корил себя за то, что ждал богомольцев с нетерпением, но избавиться от него не мог.

И пришел День Святой Троицы, большой Господень праздник. Было погожее солнечное июньское утро, северная природа торжествовала. С полуночи три больших лодки-завозни едва успевали перевозить жаждущих помолиться Господу Богу, Сыну Божьему и Святому Духу. Среди богомольцев вновь был Антон. Он сходил за товарами в Тверь и принес оттуда короб вестей. Филарет не стал ждать часа исповеди, а позвал Антона в камору за алтарем, там приласкал и спросил:

– Чем порадуешь, сын мой?

– Скажу, отец преподобный, прежде одно: царевича Дмитрия уже царем величают. Многие бояре и иншие вельможи ходили в Серпухов и там крест ему целовали. Еще добавлю к сему: те же бояре, а допрежь Прокопий Ляпунов рязанский, руки приложили к царю Федору и живота его лишили. С ним и царицу Марию, еще боярина Семена. Нет их ноне в живых, Царство им Небесное. – И Антон перекрестился.

– Царство Небесное, – повторил Филарет, осмысливая новину. Да ощутил боль: зачем новые невинные души загублены, Федор, Мария. «Едине Создателю, упокой Господи, душу раба Твоего Федора и рабы Божьей Марии», – подумал он. И попросил Антона: – Ты побудь в обители, пока приставы придут. Вместе и вернемся в Москву.

– Многие лета тебе, отец преподобный. – И Антон низко поклонился Филарету. – Вещает сердце, что батюшку здесь дождусь. Он сюда мыслил прибыть.

И прошло еще две недели. А в день празднования всех русских святых в монастырь явилось московское посольство, во главе которого стоял князь Иван Катырев-Ростовский. И при-

вел послов десятский Матвей. Была радость встречи. И были слезы горести по убиенным и сгинувшим в ссылке князьям Романовым. В церкви Пресвятой Богородицы прошло торжественное богослужение в честь освобождения Филарета от опалы. И по просьбе Ивана Катырева-Ростовского игумен Ареф отслужил панихиду по всем россиянам, которых свел в могилы в последние годы Борис Годунов. А потом состоялось прощание монастырской братии с Филаретом. Провожали его с большими почестями. Постарался об этом сам игумен Ареф. Он же сказал вещие слова:

– Вижу тебя, брат мой, первосвятителем всея Руси. И приду в Первопрестольную в день возведения на престол.

Через два дня после праздника Филарет и Ареф свершили постриг Матвея, он занял келью Филарета. И москвитяне покинули Антониево-Сийский монастырь. Расставаясь с обителью, Филарет прослезился. Многое она дала ему в понимании земного бытия, от многого исцелила. Пока плыл по озеру, душа его рвалась обратно. Нечто подспудное подсказывало ему, что он вступал на новый тернистый путь.

Так оно и было.

Глава пятая

Явление слуг сатаны

Над Россией встал новый царь. Он взошел на московский престол 25 мая, в день третьего обретения главы Иоанна Предтечи. О том новый царь не ведал. Да и некогда было ему заглядывать в святцы, потому как был озабочен другим. Он бы и почтил праздник вниманием, собор посетил, если бы не тьма забот. Эти заботы выстроились пред ним в ряд лицами польских взаимодателей и доверенными других лиц, которым новый царь был тоже многим обязан. Одни требовали долг от имени воеводы киевского князя Константина Острожского, другие от имени польского князя Адама Вишневецкого, третьи защищали интересы усвятского старосты Яна Сапеги и пана Юрия Мнишека, будущего царского зятя. Это они устилали коврами путь новому царю от Путивля до Москвы, до трона. И теперь всем им нужно было уплатить долги из российской государственной казны. Да беда не в этом. Новому царю пока не жалко было русского достояния. Он знал, что Россия сказочно богатая держава и ее запасов не исчерпать вовек.

Вступив на московский престол и впервые опустившись на царское ложе, где почивали великие государи, новый царь с трепетом подумал, что эта дерзость ему даром не пройдет, что обман его вскоре всплывет и россияне беспощадно посчитаются с ним. Совесть его не угнетала, потому как он знал, на что идет. Знал и в ту пору, когда обитал в приживалах у добросердного князя Константина Острожского. Он первым принял на себя заботу о царевиче, оттеснив слугу князя, несмышленного Богдана. Еще пребывая в Чудовом монастыре, он открыл, как мылись в бане, истинное лицо инок Григория через крест, о котором всем шишам говорил боярин Семен Годунов. Но сын мелкого дворянина, он был большой пролазой и не побежал уведомлять главу Разбойного приказа, утаил то, что открыл, и ждал своего часа. И сей час настал. Подслушав разговор царевича Дмитрия с Сильвестром в келье, он в тот же день купил на торжище коня и покинул Москву, взял путь на Киев. Добравшись до палат князя Острожского, он повел себя загадочно, не открывал своего истинного лица, лишь сказал: «Зовите меня сын Иванов».

Увидев Дмитрия под опекой Богдана, сын Иванов отшил туповатого слугу от царевича и постарался не допустить Дмитрия до князя, ежели он вернется раньше времени. Он поселил гостя в своей каморе, в большом низком помещении, где жила челядь князя. На другой день к вечеру сын Иванов принес в камору вина, браги и устроил угощение. Сам сын Иванов почти не пил, но щедро поил Богдана и Дмитрия. Когда царевич сник от хмельного и уснул, сын Иванов нашептал Богдану, что перед ними лежит недруг и враг князя Константина. Богдан просто-душно поверил. Но когда Богдан отлучился по нужде, сын Иванов снял с Дмитрия крест, скоро собрался в путь и покинул камору. Он пришел на конюшню, оседлал коня и уехал навстречу князю Острожскому, надеясь встретить его на пути из Варшавы. Он ехал сутки не смыкая глаз, не удаляясь от шляха, дабы не пропустить кортеж князя и не разминуться. Судьба оказалась к нему милостива. И когда он уже падал на гриву коня от усталости, появился кортеж князя. Сын Иванов предстал перед воеводой усталый, запыленный, горестный. Он смело поднялся к князю в карету и со слезами на глазах рассказал ему обо всем том, что случилось с ним за прошедшие двое суток, тоном оскорбленного достоинства открылся князю и поведал свою судьбу.

– Милостивый государь, злой рок выгнал меня с твоего подворья. Да будет тебе ведомо, князь, что я, сын Иванов, истинный сын царя Ивана Васильевича Грозного. Вот мой крест, – и он распахнул перед Константином кафтан, исподнюю рубаху, – надетый мне в день крестин. Я покидаю твой двор потому, что там появился самозванец, именем Григорий Отрепьев, сын костромского дворянина, ликом схожий со мной. Он преследует меня всюду. В Москве, в Чудо-

вом монастыре он подслушал наш разговор с ведуном Сильвестром и теперь явился на твое подворье, дабы оговорить меня. – Князь слушал внимательно, не спуская проницательных глаз с лица сына Иванова. Он же стойко выдерживал этот взгляд, и у него не дрогнула на лице ни одна черточка. И князь, считая себя душеведом, поверил, что пред ним истинный царевич. – И я покинул твое подворье, да не мог уехать от тебя, мой благодетель, не простившись.

– Куда же ты путь держишь, царевич? – спросил князь Константин.

– Явлюсь в Варшаву и буду просить защиты у короля Сигизмунда. Верю в его доброе расположение к России и знаю, что он чтит моего батюшку.

– Держать не смею, царевич, а помочь тебе готов, дам провожатых, как подобает, ссужу денег на первый случай и на обзаведение одеждой тебе подобающей.

– Век буду благодарить тебя, дорогой князь, и сторицей верну долг. – И «Дмитрий» поклонился Константину. Потом же, понизив голос, сказал: – Поведаю тебе, князь, малую тайну Отрепьева: он страдает богомильской ересью и всюду сеет ее семена.

– Господи, спасибо, что открыл сие! – воскликнул противник всякой ереси. – Да я живота лишу осквернителя моего подворья! – И заспешил: – Ну, попрощаемся до встречи в Москве! – Князь Константин обнял сына Иванова и трижды поцеловал, смахнул с глаз набежавшую слезу, выбрался из кареты, позвал молодого вельможу и распорядился: – Андрей, возьми с собой двух воинов и денег сто червонцев у казначея и проводи сына Иванова до Варшавы. Там и представишь его государю-батюшке Сигизмунду. Сие есть русский царевич Дмитрий, сын Ивана Великого!

Дворянский сын Андрей оказался расторопным, и спустя несколько минут он и два всадника уже сопровождали сына Иванова.

Бывший писец, служивший в Чудовом монастыре под именем Григория, а в миру Юрий Отрепьев, сын Иванов, был дерзок, хитер и осторожен. Он и не думал пока идти с визитом к королю Сигизмунду, но повернул коня в Сандомир и велел Андрею представить его вначале воеводе Яну Сапеге, а еще вельможному пану Юрию Мнишеку. Так он вскоре оказался под заботливой опекой двух известных всей Польше вельмож. И из Сандомира начался его победный марш к московскому трону.

О судьбе истинного царевича Дмитрия он ничего не знал, не слышал. Да не сомневался в том, что князь Константин Острожский сдержал свое слово. О крутом, а подчас жестоком нраве князя ходили легенды. Сказывали, что в его огромных владениях, в замке, в лесных дачах Полесья сгинул не один десяток иезуитов и иных еретиков, кто утверждал, что Сын Божий произошел не только от Отца Господа Бога, но и от Святого Духа. И о судьбе царевича Дмитрия можно было только гадать. Что и делали все те, кого интересовала его судьба, до наших дней.

У Лжедмитрия судьба складывалась иначе. Пока она благоволила ему. Но это не избавило его от животного страха. И появился сей страх в тот же день, когда переступил порог царского дворца в Кремле. Каждый час, каждый день он боялся разоблачения. Но дерзостью одержимый, он даже подсмеивался над собой: «О, ежели разоблачить до исподнего и дальше, то каждый россиянин скажет, что пред ними человек не царского роду-племени, не от корня Даниловичей, долгой и знаменитой многими подвигами династии российских князей, государей. Скажут, это вор, поправший Христовы заповеди: не убей, не укради, не обмани». Он же все сие совершил, дабы захватить российский престол. Как же дерзнул сей молодой человек с грустно задумчивыми глазами на смуглом лице, с пегой бородкой, некрасивый, роста ниже среднего, с большой сизой шишкой близ носа под левым глазом, как он дерзнул захватить великий российский престол? Сие оставалось загадкой.

Но россияне умели разгадывать и не такие хитроумные узоры просто. Они сказали, что сей самозванный царь продал сатане душу, дабы в обмен получить трон и корону русских царей. Вкупе с сатаной чего не достигнешь, утверждали они. И было у них на то основание, потому как нашлись москвитяне, которые видели истинного Дмитрия в услужении у патриарха Иова

переписчиком книг. И был он по внешности другим. Они помнили хорошо сложенного, среднего роста юношу с белым цветом лица и темными волосами. Да, возле носа у него была примета, но всего лишь малая коричневая бородавка, а не сизая шишка. Еще говорили очевидцы, что у него были белые длинные кисти рук, речь же была смелой и походка его, манеры держаться носили царскую отлику.

Неприятности для Лжедмитрия начались на второй же день его пребывания в Кремле. Лишь только он появился на Красном крыльце царского дворца, чтобы сказать свое слово москвитянам, как из толпы горожан, подступившей к самому крыльцу, раздался громкий возглас:

– Россияне, сей царь не есть Дмитрий! Царевича Дмитрия я знал, встречался с ним в Чудовом монастыре, как к брату архимандриту Дионисию приходил!

Лжедмитрий растерялся, но царедворцы, стоявшие с ним рядом, защитили его и воодушевили.

– Это поп-растрига, мшеломец! – крикнул князь Рубец-Мосальский. – Повели схватить его и казнить!

И Лжедмитрий велел рындам взять крикуна и отсечь голову принародно, чтобы другим не было повадно ложь измышлять.

Ан москвитяне не дали в обиду астраханского священника, дерзнувшего открыть истинный лик царя. Сплотились перед рындами и не пустили их к смельчаку.

– Грех тебе начинать царствие с казни! – крикнул мастеровой с Кузнецкого моста.

– Ну погодите, я до вас доберусь, смутьяны! – крикнул царь.

Разговор его с москвитянами так и не возник, и царь поторопился уйти во дворец.

А времени добраться до «смутьянов» у Лжедмитрия не оказалось, потому как каждый день до глубокой ночи нужно было присутствовать на приемах, балах и пирах в честь своего воцарения. Еще каждый день он раздавал награды, имения, земли всем новым фаворитам, подписывал дарственные грамоты. Он и не помышлял о государственных делах, озабоченный только тем, чтобы угодить своим благодетелям – польским вельможам. Иноземцы католической веры окружили царя так, что никому из русских бояр, князей именитых родов не было к нему доступа. Однако князей Нагих Лжедмитрий не забыл. Ведь там, в Угличе, жила его «мать», царица Мария. Еще Лжедмитрий приблизил к себе князя Федора Мстиславского и князя Василия Шуйского, смирился с их присутствием в своей свите. И еще как-то князь Василий Рубец-Мосальский, фаворит Лжедмитрия с Путивля, выбрав удачную минуту, шепнул царю, чтобы он проявил милость к роду Романовых и их сродникам.

– Или ты запомнил, царь-батюшка, что Романовы тебе родня по кике? – сказал он.

– Запомнил, князь Василий. Да видишь сам, какая прорва дел привалила, – бойко оправдался Лжедмитрий. Сам же подумал, что они-то как раз в Москве и не нужны ему.

Однако за род Романовых в эти дни волновался не только князь Рубец-Мосальский, а и москвитяне. И Лжедмитрий подумал об этом, спросил князя Василия:

– Не знаешь ли, куда упрятал их Бориска?

– Допрежь ведаю, где старший Никитич заточен.

– Тогда моей волей шли за ним посольство. А мы тут подумаем, где ему впредь пребывать. – Сердце у Лжедмитрия забилося в тревоге, потому как Никитичи не станут взирать на него так преданно, как взирал князь Рубец-Мосальский.

В тот день, как Рубец-Мосальский собирал «послов» и наставлял их, к Лжедмитрию пожаловал князь Василий Шуйский. И, обуреваемый тайной корыстью, укрепил опасение царя.

– Ты, батюшка царь, вызволи Никитичей и иных Сицких, Черкасских из ссылки, но в стольный град не торопись пускать. Смуты вокруг и без них пропасть. И то пойми, – Шуйский многозначительно поднял палец, – не приведи Господь, ежели у Никитичей возникнут сомнения.

У Лжедмитрия были основания прислушаться к совету князя Василия Шуйского, и он решил все исполнить так, как подсказал хитрый князь.

Князю Катыреву-Ростовскому было поручено доставить старшего Романова во дворец Ивана Грозного в селе Тайнинском, а прочих пока расселить в Ярославле и Твери. А пока князь Катырев-Ростовский ходил в Антониево-Сийский монастырь, жизнь в Москве становилась все более бурной и неуправляемой.

Царь Лжедмитрий уже открыто пренебрегал русским обществом и жил в окружении поляков, литовцев и римских иезуитов. Он вел переписку с польским королем Сигизмундом Вазой, каждую неделю слал письма своей невесте Марине Мнишек, посылал гонцов с благодарственными грамотами папскому нунцию в Польше Рангони. И даже писал самому папе римскому, только что вставшему на престол Павлу V. Он добивался у папы разрешения жениться на католичке Марине Мнишек и, выполняя волю россиян, окрестить ее в русскую православную веру. Вмешательство папы потребовалось Лжедмитрию для того, чтобы укротить неуступчивого митрополита Гермогена, который был против брака Лжедмитрия на католичке. Царь вытащил на свет божий опального митрополита Рязанского Игнатия Грека, нарек его патриархом, при попустительстве которого надумал обмануть русских архиереев при крещении Марины и во время его венчания с полячкой. Игнатий Грек заверил Лжедмитрия, что все сделает, как царь пожелает. Лжедмитрий вновь обрел благодущие, но ненадолго.

Как-то после затянувшегося до глубокой ночи пира царь уже под утро ушел в опочивальню и забылся в тяжелом сне. И явился к нему во плоти польский богослов и философ Петр Скарга. Встал он возле ложа, руку протянул. И Лжедмитрий проснулся, сел в испуге, спросил:

– Кто ты? Что тебе нужно.

– Не пугайся, царь. Я твой духовный отец, – сказал Петр Скарга. – Ведаю, что против тебя умышлен заговор, – начал богослов. – Ноне же арестуй князя льстивого с хитрыми глазами. И братьев его возьми в железа. А как с ними поступать, думай сам. – И Петр Скарга удалился из опочивальни неведомым путем.

Лжедмитрий так больше и не уснул. Он стал перебирать в памяти все лица вельмож, искать среди них того, кто льстил ему без меры и у кого хитрые глаза. Но то лицо, которое грозило ему смертью, не проявлялось... А страх нарастал. Лжедмитрий уже видел, как ворвались во дворец заговорщики, как рвались в его опочивальню, размахивали оружием. Лжедмитрий встал, оделся, саблю в руки взял и затаился у дверей, готовый защищать свою жизнь. Наступил рассвет, царь подошел к окну, дабы посмотреть, нет ли заговорщиков близ дворца. Но двор был пуст. Лжедмитрий прислонился к оконному откосу, закрыл глаза и куда-то поплыл. И в сей миг пред окном возник человек. Смотрел он на Лжедмитрия льстиво и плутовски. И услышал Лжедмитрий голос: «Ты, батюшка, вызволи из ссылки Романовых, но в стольный град их не пускай». Царь открыл глаза и возблагодарил неведомо кого за то, что помог высветить лик заговорщика. И был им князь Василий Шуйский.

Терзаемый страхом, Лжедмитрий поднял стражу, призвал к себе польских воевод, велел им послать в палаты Шуйских солдат и арестовать всех братьев-князей.

Поляки исполняли такие повеления быстро, но попросили, чтобы с ними к Шуйским шел кто-то из русских вельмож и предъявил им обвинение. Лжедмитрий оказался в затруднительном положении: не мог же он обвинить князей Шуйских только на основании того, что пришло ему во сне. И он призвал на помощь князя Рубец-Мосальского. Василий уже давно привык к тому, чтобы выдавать сны за явь, ложь за правду. Он и глазом не моргнул, заявил:

– Ты, государь-батюшка, не сомневайся. Есть злой умысел у князя Василия против тебя. Доподлинно сие ведаю. Он уже давно дорогу торит к трону.

– Вот ты и пойдешь с обвинением, – повелел царь.

Князь Рубец-Мосальский колебался недолго. Рисковый мшеломец, он давно позабыл о понятии чести и благородства. Потому сказал:

– Исполню твою волю государь. – И, помедлив, добавил: – Милость, однако, прояви, Пошехонье мне отпиши за верную службу.

Лжедмитрию эта сделка ничего не стоила, и он с легким сердцем проявил сию милость.

– Иди же за бунтовщиками, а получишь жалованную грамоту.

В тот же день князей Шуйских взяли под стражу, заключили в пытошные башни. Младших братьев Василия, Дмитрия и Ивана, пороли кнутами, добиваясь признания в заговоре. А князя Василия допрашивал сам Лжедмитрий.

– Ты зачем мне льстил и омывал лицо мое елеем? Говори, что замышлял против меня и кто еще с тобой в заговоре. Да не мешкай, а то братцев засекут в застенке.

Князь Василий молчал, скорбел о братьях и думал, кто предал его. Да, он замышлял заговор, но еще ничего не сделал, чтобы осуществить его. Он вел разговор всякими полупамятками лишь с Федором Мстиславским. Неужели он в поисках корысти себе выдал его? Шуйский так углубился в свои думы, что не слышал, о чем спрашивал Лжедмитрий. Тот, наконец, взорвался и схватил князя за грудь, стал его трясти:

– Что молчишь? На дыбу рвешься? Пошлю! – кричал царь.

Так и не добившись никакого признания, Лжедмитрий покинул пытошные казематы. Вернувшись во дворец, он повелел созвать Земский собор. И мешкать не велел, дал всего два дня на сборы. Россияне посмеивались: месяц надо, дабы кликнуть выборных со всей державы и увидеть их в Москве. И говорили, что все это балаган для отводу глаз. Но обеспокоились за судьбу Шуйских. У именитого боярского рода было немало сторонников в Москве, и они не думали так легко отдать Шуйских на расправу бессудную.

Однако подобие земского собора вскоре сошлось на первое заседание. Это были в основном московские вельможи, преданно служившие Лжедмитрию. Царские угодники смотрели ему в рот, когда он с пылом говорил про заговор и про то, как Господь помог ему уличить Шуйских.

– Вот и спрашиваю вас, земцы, какого наказания достойны тати, задумавши покушиться на жизнь законного царя?

Дабы угодить царю, «земцы» приговорили Шуйских к лишению живота на плахе. И скорая бессудная расправа над князьями Шуйскими свершилась бы. Но вмешались священнослужители. Большим клиром пришли они в Грановитую палату, где заседали земцы, и привел их за собой митрополит Гермоген. Он же пригрозил Лжедмитрию поднять москвитян в защиту оговоренных князей Шуйских.

– Нет у тебя воли, государь, российские корни рубить, – подойдя к трону и стукнув посохом, сурово сказал Гермоген. И продолжал: – Церкви судить Шуйских, а не угодникам. Милуй сей же час, не жди себе худа, пока народ во гнев не пришел. – Гермоген подошел к окну, распахнул его. – Слышишь, как гудит Красная площадь?

В палату и правда хлынул шум, похожий на рокот моря. Да и под окнами палаты уже собрались толпы москвитян. И дрогнул Лжедмитрий, знал, каковы россияне, когда поднимаются на бунт: все сметают на своем пути. Сказал митрополиту Гермогену:

– Иди утихомирь народ, а мы тут подумаем.

– Нет, один не пойду. Идем вместе, государь, и ты сам скажешь россиянам, что отменяешь смертную казнь.

К Лжедмитрию подошел князь Рубец-Мосальский и еще кто-то из царедворцев. Они шепотом говорили что-то царю, убеждали его, а он на глазах у Гермогена побледнел, поднялся с трона и пошел к выходу, появился на Красном крыльце Грановитой и крикнул:

– Россияне, с чего бунтовать вздумали?! Вот, говорю вам и вашему Гермогену, что Шуйских милую, живота их не лишаю, но отправляю в ссылку, дабы Москву не мучили. Идите же на Красную площадь и там скажите люду, чтоб шел по избам. – И повернулся к Гермогену: –

Видишь, я крови не ищу. Теперь им говори и ты в ответе за покой в Москве. – С тем и покинул Красное крыльцо.

Гермоген же следом поспешил.

– Ты, государь, будь милосерден во всем. Посему дай повеление служилым пустить в Москву Романовых и иных опальных от Годунова. Зачем свою опалу накладываешь?!

Лжедмитрий побаивался казанского митрополита, которого и Годунов боялся, и пошел на уступку.

– Я подумаю о них. Да не подталкивай меня. – Лжедмитрий сказал это искренне. Романовы, и особенно Федор, очень беспокоили его. Знал царь, что одного слова Федора, сказанного с Лобного места, будет достаточно, чтобы москвитяне стащили его с трона. И после долгих раздумий, колебаний Лжедмитрий решился на встречу с Федором, дабы заручиться его поддержкой или хотя бы молчанием.

Через три дня Лжедмитрий в сопровождении малой свиты и отряда польских драбантов покинул Москву. Знал царь, что Филарет Романов уже пребывал в селе Тайнинском, как и было ему намечено. На беседу с Филаретом царь ушел один. И никто не знал, о чем Лжедмитрий и Филарет беседовали. Покидая Тайнинское, Лжедмитрий выглядел расстроенным. То, что Филарет не стал допытываться, как и почему он, Отрепьев Григорий, захватил трон не по праву, это Лжедмитрия порадовало. Выходило, что признавал его царем. Но словно в уплату за признание потребовал вернуть Шуйского с пути в ссылку, отдать имущество и восстановить в чинах и званиях. Лжедмитрий пообещал выполнить волю «сродника», но и Филарета вынудил на уступки.

– Ты, отец преподобный, в таком случае посиди пока в Ростове Великом. Выпрошу тебе у архиереев сан митрополита, епархия будет под тобой.

– На то твоя воля, государь.

– Вот и договорились. С тем и прощай.

Приезд Лжедмитрия в Тайнинское не был для Филарета неожиданным. За день перед тем приезжали в село Сильвестр с Катериной. Явились по наказу Гермогена с просьбой выручить Шуйского и его братьев. И Катерина дала понять Филарету, что царь пойдет на уступки. И теперь, проводив царя, Филарет долго ходил по тайнинскому дворцу, думал о состоявшейся встрече с Григорием Отрепьевым. Но как-то подспудно все время пробивались воспоминания о молодости, многое в которой было связано с Тайнинским. В этот дворец, построенный для приема высоких гостей, молодой князь приезжал не раз. Тогда он служил в свите царя Ивана Грозного. Здесь он был свидетелем встреч Ивана Великого с королями Польши и Швеции, с крымским ханом и римским иезуитом Антониом Поссевиным.

Но, избавившись от воспоминаний о далеком прошлом, Филарет вернулся в мир нынешний. О личности нового царя Филарета просветили Сильвестр и Катерина. Да и князь Иван Катырев-Ростовский многим удивил его. Потому, когда Филарету сказали, что царь едет в Тайнинское, он был удивлен дерзостью государя. Зачем понадобилось Лжедмитрию увидеть того, кто знал подлинное лицо самозванца? Уж не хотел ли царь добиться от него свидетельства о том, что он есть подлинный царевич Дмитрий? И уж конечно Лжедмитрий повезет Филарета в Москву, в Кремль и заставит его сказать о том, что царь истинный наследник престола при стечении множества вельмож, иноземных послов. Знал же Филарет, что в Москве уже мало кто считал царя истинным царевичем Дмитрием. Дошло до Филарета и то, что первым распустил слухи о самозванстве князь Василий Шуйский.

И при встрече с царем Филарет ни словом, ни намеком не вселил в него надежды на то, что, ежели, даст Бог, ему доведется быть в Москве, он, Филарет, возвестит о том, на что надеялся царь. Потому и душевной беседы у них не получилось – Филарет пошел на уступки

лишь для того, чтобы избежать новой опалы, Лжедмитрий – дабы заставить Филарета молчать. На том они и расстались.

Совість Филарета, однако, не дремала. И она повелевала ему ехать в Москву и там свершить то, что надлежало исполнить честному россиянину... По этой причине Филарет не спешил уезжать в Ростов Великий. А чтобы знать хоть что-то о московской жизни, попросил князя Ивана Катырева-Ростовского съездить в столицу. Князь уехал неохотно, обещал вернуться через три дня, но не приехал. Филарет ожидал его с нетерпением, надеясь на то, что тот привезет вести о родных.

Чтобы как-то скоротать время, Филарет проводил его в обществе хранителя дворца, престарелого князя Михаила Катырева-Ростовского, дяди молодого князя Ивана. Они много беседовали о прошлом, но их воспоминания были окрашены в черные тона. Почему-то всплывали все больше мрачные стороны жизни той поры. Наверное, накладывало отпечаток на беседы то, что оба они были свидетелями многих злодеяний Ивана Грозного.

– Господи, я и в могилу уйду с неотвязным явлением, – жаловался князь Михаил. – Никак не могу забыть, как царь-батюшка распял на дубовом кресте думного дьяка Ивана Висковитого. И за что, за одно неугодное слово... В тот день Москва была кровью залита. Триста лучших москвитян были невинно замучены, кого варом облил, кому на плахе голову... Я попытался убежать, чтобы не зреть то злодейство, но царь-батюшка ухватил меня за шиворот, сказал: «Зри себе в науку».

Князь Иван Катырев-Ростовский вернулся из Москвы лишь через неделю. Особыми новостями не порадовал, их не было, все больше печальные. Но когда вручал Филарету грамоту Патриаршего приказа о назначении на Ростовскую епархию, то проявил чуть ли не восторг.

– Отныне ты, чтимый нами Федор Никитич, возведен в сан митрополита! С чем и поздравляю, владыко! – И князь Иван низко поклонился.

Но эта новость не зажгла свечи радости в душе Филарета. Не хотел он получать святительский сан из рук лжецаря, а тем паче с участием самого себя в этой сделке. Филарет спросил:

– Чьей же волей мне пожалован сей высокий сан? Уж не Игнатий ли Грек сподобился милость проявить?

– Вот уж чего не ведаю, о том не скажу. Да поди архиереи за страсотерпие твое воздали, – ответил князь. – И ты прими сей дар судьбы не сумняшеся. Истинно говорю, пришло время быть тебе владыкою.

Так и не ощутив какого-либо душевного подъема от неожиданного возвышения, Филарет принял сей дар, сочтя, что без воли Всевышнего сего бы не случилось. Понял он и то, что в Тайнинском ему больше делать нечего.

На другой день Филарет собрался в путь, простился с князьями Катыревыми и покинул временное пристанище. Еще через день он был в Ростове Великом.

Филарет бывал в прежние годы в этом маленьком уездном городке, который когда-то в пору расцвета был стольным градом Ростовского и Ростово-Суздальского княжеств. Ему нравилось величие великого града. Его соборы, церкви соперничали не только с суздальскими, ярославскими, владимирскими, но и с московскими. Любил Филарет ростовские колокольные звоны, которые своими высокими и сильными звуками окрыляли душу.

Второй список грамоты Патриаршего приказа был доставлен в Ростов Великий раньше, чем там появился Филарет. И потому ростовские священнослужители и уездный губной староста успели подготовиться к торжественной встрече митрополита, к проводам в Троице-Сергиеву лавру на отдых престарелого митрополита Феофиста.

После торжеств жизнь в Великом Ростове потекла в церковном бдении, но тихо и мирно. Филарет объехал все приходы епархии и стал сам вести службу в кафедральном Успенском соборе Ростовского кремля. Его богослужения собирали множество прихожан, чего в прежние годы ростовчане не знали, проповедями Филарета заслушивались.

Митрополит Филарет был желанным гостем во всех именитых семьях города, как в боярских, дворянских, так и в купеческих. Он был образованным человеком, знал латынь, много читал, и беседовать с ним, слушать его доставляло удовольствие каждому. Дома в вечерние часы Филарет добирал то, что не успел познать в Антониево-Сийском монастыре – изучал историю христианской церкви.

К своему немалому удивлению, он нашел в старых княжеских палатах ростовских князей книги греческого письма, и были среди них знакомые ему церковные сочинения века Комнинов Михаила Пселла. Этот сочинитель написал прекрасное толкование книги «Песнь Песней», главы из которой о Великой Святой Троице и о Иисусе Христе Филарет выучил наизусть. Еще Филарет нашел книги времен императоров Палеологов и среди них опять-таки знакомое сочинение Григория Палма «Об исхождении Святого Духа от одного отца». Спустя несколько лет эта книга поможет Филарету выстоять в борении с богословом иезуитом Петром Скаргой, когда возникнет спор о ереси богомильской, кою Скарга проповедовал.

Но чтение книг, многие часы, проводимые на службе, не избавляли его от тоски по родным и близким. Он с нетерпением ждал тот день, когда бы в его палатах сошлась вся семья, когда смог бы увидеть жену Ксению и желанного сына Михаила. Так незаметно пролетел почти год, когда до Ростова Великого долетели вести о больших потрясениях в Москве. Князь Василий Шуйский вновь возглавил заговор против Лжедмитрия. И на сей раз ему удалось достичь задуманного. Царь Лжедмитрий был убит. Случилось сие семнадцатого мая. А в двадцатых числах мая в Ростов Великий примчались брат Филарета князь Иван и князья Трегубов и Трубецкой, зятя Романовых. Встреча была шумной, радостной. Ведь все они не виделись без малого шесть лет. Да едва облобызавшись, едва отдышавшись, князья потребовали от Филарета, чтобы он собирался в Москву.

– Дорогой владыко, ты у нас за отца-батюшку, и в Москве нам без тебя быть нельзя, – начал князь Дмитрий Трубецкой. – Потому мы одни не уедем.

– Москва мне желанна, дети мои, да места своего в ней не вижу. А тут я при службе, – буднично ответил Филарет.

– Но брат мой родимый, – воскликнул нетерпеливый князь Иван, – нужда в тебе там, потому что новая опала нам грозит. Да и тебя здесь царь Василий достанет. Недоволен он, что ты получил сан митрополита по воле самозванца, а мне дадено боярство.

Филарет задумался, к медовухе прикоснулся – сидели за трапезой – и пришел к мысли, что брат Иван и зятя правы. Нужно ему вернуться в Москву, дабы восстановить положение Романовых, добыть роду прежнее влияние при царском дворе, восстановить порушенное родовое гнездо. Придя к такому решению, Филарет успокоил гостей:

– Будет по-вашему, дети мои. Ежели нынче не постоим за себя, то и впредь нам не встать во весь рост, – заявил Филарет. – Да и Шуйского нужно в постройку взять-поставить, дабы не казнил без вины, как было при Годунове.

Филарет встал, вышел из-за стола и размышлял вслух о всем том, что волновало его. Глаза у Филарета горели огнем, помолодели, и все увидели прежнего, гордого и независимого, князя. Да, сила в нем была скрытная. Он не считал себя старцем, завершающим жизненный путь. В свои пятьдесят один год он жаждал жизни. И потому, не оглядываясь на прошлое, ринулся в бурное море смутной Москвы, России. Но Филарет не хотел порывать связи с Ростовской епархией. Он оставлял место митрополита за собой и, как сказал клирикам, покидал Ростов временно.

В Успенском соборе по поводу отъезда Филарета состоялся молебен. На нем собралась вся ростовская знать, была прочитана молитва о путешествующих и митрополиту пожелали скорого возвращения. Пожелание священнослужителей оказалось пророческим, потому как Филарет не задержался в Москве и меньше чем через год вернулся в Ростов Великий.

А пока Москва встретила Филарета большим многолюдьем, оживлением жизни, бойкой торговлей. Москвитяне приходили в себя после разгула в городе польских пособников Лжедмитрия. Романовское подворье на Варварке, где при Лжедмитрии стояли три месяца и бесчинствовали иезуиты, действием князя Ивана было приведено в порядок. При Лжедмитрии, спустя три месяца его царствования, подворье и палаты были возвращены Романовым. Филарет немало думал по этому поводу. Выходило по его здравом размышлении, что царь Василий и впрямь мог проявить к Романовым немилость, потому как Лжедмитрий оказал им многие почести, ну прямо-таки как отец родной. Как ни кинь, а у Шуйского, ненавидевшего Лжедмитрия, было основание проявить немилость и к его приближенным.

Одно утешало Филарета. Вступая на престол, Василий Шуйский подписал подкрестную запись, в которой дал клятвенное обязательство никого не карать без вины. А ежели судить виновных, то истинным праведным судом по закону, а не по усмотрению.

«Целую крест всей земле, – было написано в подкрестной записи, – на том, что мне ни над кем ничего не делать без собору, никакого дурна».

Филарет знал, что родом Романовых и во время правления Лжедмитрия не было совершено никаких черных дел против царя и России. И потому он вскоре забыл о своих первоначальных волнениях. Но жизнь в столице текла бурно и что ни день приносила новые огорчения, новые тревожные вести. Спустя несколько дней после приезда Филарета пришел к нему брат Иван с новинкой, кою добыл, как он сказал, от верных людей. Сказано было ему, что царь Василий собирал московских архиереев, и на том совете шел разговор о патриархе. Он же отстранил от патриаршества неугодного ему Игнатия Грека. «Мне не нужен духовник, который служил самозванцу, – заявил при этом царь. – Потому ищите достойного». И были названы на том совете лишь два имени: митрополита Казанского Гермогена и митрополита Ростовского Филарета.

– Да сказывали, что твое имя, братец, назвал сам царь, – частил Иван. – Дивно. Да ты-то что думаешь по сему поводу?

Филарету тоже показалось все произошедшее в Кремле дивным. Выходило, что Шуйский сделал попытку примирения с Романовыми. Удивился, да не поверил, что желание Шуйского видеть на престоле церкви его, Филарета, есть искреннее. Царь Василий был больше хитрый, чем умный. И как позже выяснилось, он лишь заигрывал с Филаретом, дабы усыпить свою совесть. Помнил пока царь Василий, что многим обязан своему восшествию на престол Филарету Романову. Быть бы ему в ссылке, ежели бы Филарет не вмешался в его судьбу. Но еще больше Шуйский был обязан митрополиту Казанскому Гермогену. Царю надо было благодарить Бога за то, что по его милости Гермоген отвел руку самозванца с топором, занесенным над Василием Шуйским.

Может, царь Василий все-таки хотел отблагодарить прежде его, Филарета, рассуждал митрополит. И возражал себе: как мог Шуйский советовать архиереям возвести на престол церкви Филарета, ежели он не мог стать духовным отцом государя по своим внутренним убеждениям, о которых царь Василий знал. И потому Филарет счел окончательно движение царя Василия всего лишь игрой в примирение. А Филарет не хотел принимать участия в этой игре. Знал он, что Шуйский не исполнит обетов не карать без вины, и потому остерегался дать ему повод для опалы. Он пребывал в Москве без службы, без дел, не появлялся ни в Кремле, ни в городе и утешался воспитанием сына Михаила, проводил с любознательным десятилетним отроком полные дни, пытался избавиться от душевного расстройства, возникшего с возвращением из ссылки бывшей жены Ксении, а ныне инокини Марфы. Схима разлучила их. Марфа отнеслась к этому покорно и стойко и не проявляла никакого желания возобновить супружескую жизнь. Филарет понимал ее, ни в чем не принуждал, но душевные страдания его порою становились нестерпимы. Он казнил себя за свой характер, за свои чувства, но ничего не мог с собой поделать, потому как Ксения оставалась ему желанной. И потому стал жалеть, что так

легко поддавался уговорам и покинул Ростов Великий, с нетерпением ждал тот час, когда мог бы вернуться туда.

Ждать исхода задуманной хитрой игры царем Василием Филарету пришлось недолго. По державе поползли слухи, что царь Дмитрий не был убит, что по воле Всевышнего он был спасен, а убит был человек лишь похожий на него. Дабы пресечь эти слухи, царь Василий принял меры для их опровержения. Он призвал в Кремль мать Дмитрия, царицу Марию Нагих, а ныне инокиню, и повелел ей принародно признаться, что ее сын убит девятилетним отроком и что Лжедмитрия она признала за сына подневольно. Еще царь нашел монаха Варлаама, который в свое время общался с Григорием Отрепьевым и повелел ему:

– Все опиши в признании и будешь читать всюду с папертей церковей и соборов.

И Варлаам написал извет, в коем доказывал тождество Лжедмитрия с Гришкой Отрепьевым. Но о том, что сам Варлаам шел почти до Киева с царевичем Дмитрием, он умолчал.

Признания Варлаама и свидетельства Марии Нагих о Лжедмитрии царю Василию оказались мало. Тут-то и завершилась игра царя Василия с митрополитом Филаретом. Царь позвал митрополита во дворец. В разговоре с ним был ласков, обходителен. Много спрашивал о том, как жил в изгнании да как устроился в Москве. И со слезой в голосе отметил:

– Да вижу, владыко, в унынии пребываешь.

– Печалуюсь от расстройства жизни, – неопределенно ответил Филарет.

Он вел себя сдержанно. Удивился тому, как за прошедшие несколько лет, что не видел Василия, тот неузнаваемо изменился. Он стал еще ниже ростом, совсем облысел и глазами вовсе плох был. Но в хитрости преуспевал. И походя пускал ее в оборот.

– Ты уж не обессуди, владыко Филарет, что не добился тебе патриаршества. Иереи заартачились. С чего бы? Да ты их знаешь. Им больше мил Казанский митрополит. Но я еще постою за тебя, – утешал царь.

Филарет ответил Василию учтиво:

– Я благодарен Всевышнему, что он не оставляет меня милостями.

– Ну коль так, то и мне легче, – вздохнул царь. – А позвал я тебя, дабы исполнил мою просьбу. Возьми кого тебе нужно и сходи в Углич. Там достань мощи царевича Дмитрия, привези их в Москву. А пока ходишь, я поборюсь с иереями: токмо тебя вижу патриархом и моим духовным отцом.

Филарету в эти минуты было стыдно за государя. Он страдал оттого, что в каждом слове Василия сквозила ложь, изворотливость. И потому поспешил откланяться:

– Я исполню твою волю государь, привезу мощи отрока, убитого в Угличе. А потому не мешкая уезжаю. – И, считая, что во дворце ему больше делать нечего, покинул еще резко пропитанные смоляным духом новые дворцовые палаты царя Шуйского.

Филарет умел действовать быстро и без суеты. Он взял себе в помощь князя Ивана Катырева-Ростовского, двух священнослужителей из Кремля, еще церковных служек троих, своих холопов с подворья несколько, и на другой день карета и пять возков укатали из Москвы. Путь в Углич был хорошо проторен. И на третий день посланцы Москвы прибыли в вотчину князей Нагих.

Углич в эти годы являл жалкое зрелище. Жизнь здесь, казалось, вымерла. Редкие горожане ходили словно ночные тени, не поднимая к солнцу глаза. Торговли не было, никто не строился, не занимался ремеслами. Трагедия пятнадцатилетней давности все еще давала себя знать.

Унылая жизнь в Угличе не располагала к долгому пребыванию в нем. Филарет собрал в храм угличских священников, пригласил губного старосту, и в их присутствии услужители собора изыали гроб с мощами отрока, убитого на крыльце княжеского дворца. Филарет заведомо знал, что в домовине лежат мощи не царевича Дмитрия, а иного отрока. Он велел вскрыть гроб и утвердился в этом еще раз. В истлевшей руке убиенного сохранились лесные орешки,

коих у царевича Дмитрия не могло быть по той причине, что в тот роковой день он вернулся с богослужения и в руке держал просвиру. Об этом Федору рассказывала кормилица Ирина перед тем, как ее взяли на пытки.

Отслужив просительный молебен в угличском соборе, Филарет ушел в обратный путь. А пока шел до Москвы, там начались загадочные беспорядки. На Тверской улице разбушевалась толпа горожан. В руках у многих были подметные листы. Как и откуда они попали к горожанам, никто не знал, все утверждали, что подобрали их на земле. Размахивая ими, горожане шли к Кремлю и кричали, что царь Дмитрий избежал смерти, жив и здоров.

– Он снова собрал войско! Снова идет на Москву! – кричал детина с Ямского поля.

– Слава царю Дмитрию! слава! – несло над толпой.

Приставы пытались разогнать толпу, но им это не удавалось. Со всех улиц в нее вливались новые потоки, и она лавиной выплеснулась на Красную площадь. Она заполнилась от края и до края, над нею стоял несмолкаемый гул. В толпе нашлись и защитники царя Василия. Они шумели больше других и всем поясняли:

– Да знаете ли вы, кто писал эти подметные письма? Сие дело опального Филарета Романа. Он хлопочет о сроднике.

И трудно было объяснить ход беспорядка. Да он потому и необъясним.

Ан кто-то во всем хорошо разобрался. И владельцем той сведой головы был сам царь Василий Шуйский. Потому как он, изощренный в хитрых делах, заварил сию кашу, дабы бросить тень на ни в чем не повинного митрополита Филарета. Москвитяне же все разжевали позже и назвали сие дело темным. Но суть его вскоре высветилась, род князей Романовых вновь попал в опалу, теперь уже от царя, который и году не прошло, как клялся на кресте без вины опалы своей не класти.

Клевреты царя Василия действовали споро. Навстречу Филарету, который был где-то на полпути от Углича, послали команду во главе с князем Дмитрием Шуйским. Он именем царя отстранил Филарета от порученного дела и велел не мешкая и не появляясь в Москве удалиться в Ростов Великий, пребывать там, доколь царь Василий не проявит милость.

Филарет не взбунтовался против новой несправедливой опалы и помолился Господу Богу за то, что защитил его от более жестокой царской «милости».

Путь до Ростова Великого Филарет совершил в полном одиночестве. Он сидел на облучке крытого возка и в руках держал вожжи, но коня не погонял и на дороге, казалось, не смотрел. Его взгляд был устремлен под ноги коня, он прислушивался к цокоту копыт и слышал, как они вызванивали размеренно и четко одно слово: са-та-на, са-та-на. И перед Филаретом возник образ властелина тьмы. Он был космат, клыкаст, в веретяном кафтане и препоясан саблей. Вокруг него увивались слуги – все дьяволята, сатанята, а среди них резвились три брата Шуйских: сам царь Василий и князья, средний Дмитрий и младший Иван. «Оно так и есть, происками сатаны добыл себе престол Василий. Да век твой, князь тьмы, грядет недолгий. Примешь ты срамную смерть в назидание всему роду твоему на века», – подумал Филарет, и дума та оказалась пророческой. Он оторвал взор от дороги, от конских копыт, посмотрел на поля, на перелески, на чернеющую вдаль деревеньку, услышал над ржаным полем песню жаворонка, Божьей птахи, и на душе у него посветлело.

Глава шестая

Противостояние

Ростов Великий жил в царствие царя Василия так же тихо, как и многие прежние годы подобало жить малому уездному городку. Как всегда, горожане были неторопливы, лишь по утрам кое-кто из них спешил на торжище в торговые ряды, занимавшие квартал близ кремля. Да торжище в эту пору было скучным, к исходу зимы и вовсе пустовало, потому как из окрестных деревень никакого подвозу продуктов не было. А из дальних селений, из той же суздальской, богатой дарами земли, крестьяне и купцы ничего не везли по той причине, что всюду по дорогам гуляли шайки разбойников.

Россия пылала в огне междоусобицы. И никто из россиян не мог представить себе конца смуты. Трижды Москва пребывала в опасности быть захваченной врагами. То мятежные отряды Ивана Болотникова почти достигли стен кремля и были остановлены в нескольких верстах от нее, под селом Коломенским, загородной царской вотчиной. То второй Лжедмитрий обложил Москву, как медведя в берлоге, перерезал все дороги, кроме одной – на Рязань, кою удерживали царские войска. То поляки попытались вновь ворваться в Москву, а как не удалось, пошли гулять по России, грабить города и села русские.

Все это в Ростове Великом знали и переживали за судьбу державы, да что там скрывать, и за свою тоже. Но острее многих других ростовчан переживал за судьбу России митрополит Филарет. Он отчетливее иных россиян понимал, в какую пропасть катилась держава, какая разруха ожидала ее в будущем. Братоубийственная война никому и никогда не приносила блага. Прислушиваясь к событиям в Москве и близ нее, Филарет не понимал хода событий и многое не признавал за разумные действия. Да и как можно было понять разрушительное равнодушие к судьбе России самого государя. Филарету хотя и не довелось стоять воеводой во главе войска, но он понимал, что царь Шуйский, побив Ивана Болотникова, победы над ним не достиг. А мог бы, встав во главе войска. Нет же, в разгар битвы он наблюдал за нею из кремлевского дворца. К тому же пребывал в сонном состоянии. А нужно было гнать-добивать Ивашку до полного уничтожения мятежников. Сказывают, что царь Василий уповал на промысел Божий. Но Господь отвернулся от Шуйского, и Болотников вскоре оправился от ударов царского войска, зализал раны и овладел Тулой. Тут уж Филарет мог определенно сказать, что царскому войску не взять этой крепости ни штурмом, ни осадой, за мощными стенами стояла Тула.

Еще более печальное размышление посетило Филарета в тот день, когда он узнал, что второй Лжедмитрий овладел селом Тушино, кое находилось в десяти верстах от Москвы, и коршуном навис над стольным градом. Тут и малому дитя понятно, что Тушино следовало немедленно очистить от воровского войска или зажать его там в хомут. Но и к Тушинскому вору царь Василий проявил равнодушие. Гермоген, которого избрали патриархом, требовал от царя Василия послать на Тушино сильное войско и воеводою над ним поставить умницу и очень смелого молодого князя Михаила Скопина-Шуйского. Истинно утопил бы сей воевода тушинских татей в Москве-реке. Но нет, не проявилось такое побуждение у царя Василия. Одно потворство сторонникам самозванца оказывалось. Каждое утро десятками, сотнями уходили из Москвы в Тушино многие москвитяне, а больше имущие, и никто на заставах их не задерживал. Их прозвали перелетами, потому как они, отслужив день второму Лжедмитрию, вечером возвращались в родные московские стены. И как показалось Филарету, царь Василий день за днем накликивал себе новую беду. Да по-иному и не обозначишь поведение государя.

Случалось так, что Филарет приходил в гнев и слал на голову царя Василия с амвона собора анафему. Было так, когда митрополит узнал, что царь отказал в помощи защитникам Троице-Сергиевой лавры. Она стояла от Москвы на пути к Ростову Великому. И ростовчане

хорошо знали, как там трудно было защищаться трем тысячам монахов и мужиков из окрестных деревень против тридцатитысячного войска поляков, которым командовал умный и дерзкий гетман, усятский староста Ян Сапега.

На каждом богослужении Филарет молил Всевышнего о защите Троице-Сергиевой лавры. И знал митрополит, что Господь Бог не оставлял ее без помощи. Да утверждали прихожане, коим приходилось бывать близ лавры, что на крепостных стенах среди ее защитников видели самого архистратига архангела Михаила. «А то как бы без него малыми силами стоять против орды», – добавляли убежденно ростовчане.

В те грозные для России дни к Филарету не раз приходила мысль о том, чтобы укрепить Ростов Великий, дабы выстоять, как подойдет к городу враг. Но Филарет не успел исполнить свой замысел. Поляки уже разбойничали северо-западнее Москвы. Они постучались в ворота Твери, да получили от тверчан добрую нахлобучку. И от Твери их отряды двинулись в сторону Ярославля, Переяславля, Ростова Великого.

Филарет со священниками вышли на улицы города, призывая горожан к тому, чтобы готовились защищать свои дома от поляков. Но из домов выходили больше женщины, дети, старики. Горожан, способных держать зброю, в Ростове Великом не было, всех их забрали в войско, сперва царь Борис Годунов, потом Лжедмитрий, теперь вот царь Василий. Близ кремля собрались старики, отроки, калеки, ремесленники, несколько торговых людей. Они просили Филарета позволить им укрепить хотя бы стены кремля.

– За ними и выстоим, как подойдут ляхи, – заявили ростовчане.

Оценив силы собравшихся, Филарет с горечью отметил, что непосильно им исправить разрушения веков, но благословил на подвиг.

– Делайте посильное, дети мои. Да помните, что у нас есть твердыня от врагов – наш с вами собор.

В эти же дни из Москвы пришли в Ростов Великий суровые вести, которые касались прежде всего Филарета. И они оттеснили заботы митрополита о защите города от разбойных отрядов поляков. Пришел в палаты Филарета бывший холоп Романовых, который в день кончины боярина Никиты Романовича отпросился на богомолье и ушел странствовать по монастырям России. Филарет помнил Якова еще крепким молодым мужиком. Теперь же стоял перед ним старец.

– Князь-батюшка владыко, прислали меня добрые люди поведать тебе о горе в вашем роду, – начал рассказывать Яков.

Филарет же остановил его, отвел в трапезную, накормил. Лишь после этого велел продолжать.

– Говори, сын мой Яков, с чем пришел.

– Говорю, владыко. Беда пришла в ваш дом. Князь Юрий Трубецкой, а еще князя Иван Катырев да Иван Троекуров вели войско под Калугу, кое дал им царь Василий, и пустились в заговор против государя. Да заговорщиков предали. Им удалось бежать в стан самозванца. Сие случилось в майские дни, а ныне... – Яков замешкался.

– Говори, сын мой, не коснея.

– Ноне все твои сродники толпою ушли в Тушино и поклонились вору.

– Господи, что же их подвигнуло на это? Кто вынудил? – воскликнул Филарет. Да ответ ему был ясен: виною всему был сам царь Василий.

– И кто ушел? Ты видел их? – спросил Филарет.

– В стане самозванца я не был. Ан слышал, что ушли князя Сицкие и Черкасские. Еще князь Дмитрий Трубецкой, с ними же Засекины и князь Борятинский. О господи, горе нам! – Яков замолчал и заплакал, отвернулся.

– Что же они там делают? – еще не осознав случившегося, спросил Филарет.

– Служат, батюшка-владыко, служат самозванцу. Самозванец и есть. Ведь я же сам видел, как боярский сын Валуев застрелил из мушкета того, кого за Митеньку приняли.

Филарет отправил Якова отдыхать, а сам до глубокой ночи не находил себе места, все ходил, думал. И думы его были крутые. Пришел бывший князь и первый боярин России к мысли о том, что его большая родня выступила не за самозванца, а прежде всего против царя Василия, запятнавшего себя на троне многими грехами. Понял Филарет, что началось противостояние всего окружения романовского рода окружению царя Шуйского. И было очевидно, что биться предстоит до последнего дыхания, пока кто кого под корень не подрубит. И ему, Филарету, старшему ноне в роду Романовых, не быть в стороне, не спрятаться за святительскими одеждами, а как былинному иноку Пересвету ждать своего часа, дабы сойтись с Шуйским впритин. Что ж, он готов к той смертельной рукопашной схватке. Ему и живот не жаль для торжества правды. А правда за Романовыми и кто с ними. И потому, как только упущениями царя Василия Россия была ввергнута в новое самозванство и междоусобие, противники Шуйского сочли своим долгом подняться против него. И никто из Романовых не может быть приверженником Лжедмитриев, потому как не по их воле возникло и первое, и второе самозванство. Романовы берегли и готовили на престол истинного Дмитрия. И ежели бы не злочинство «пронеры лукавого» Бориса, ноне на троне восседал бы истинный царь Дмитрий, потомок рода Калитиных, и не было бы опалы Романовых, не было бы царя Бориса, царя Василия, а Россия бы не впала в великую смуту.

В полночь Филарет встал на молитву. И тут неожиданно его обожгла мысль о том, что теперь настало самое время достать трон новому законному государю, племяннику царевича Дмитрия, князю Михаилу Романову. Мысль эта показалась Филарету крамольной, греховной, и он просил Всевышнего проявить к нему милость, избавить от крамольного наваждения. Но тщетны были его мольбы, мысль, словно гвоздь, все глубже и глубже вбивалась в его сознание. Она же привела Филарета к неотложному шагу. Он счел, что будущего престолонаследника нужно уберечь от всех злодейских происков, спрятать его там, где бы никто не нашел.

Филарет действовал решительно и быстро. Лишь только Яков отдохнул, он снарядил сего верного человека в Москву, дал ему коня, возок, денег, а в помощники в пути – церковного служку. Якову же дал строгий наказ:

– Ты, сын мой, исполни мое повеление. Как примчишь в Москву, иди на наше подворье и скажи старице Марфе, чтобы не мешкая уезжала в Костромскую землю, там скрылась бы вместе с сыном Михаилом понадежней. И тебя Христом Богом прошу идти с ними. Да при случае подай мне весточку, как все будет.

Яков уехал тотчас, как получил наставления от Филарета. А побуждения Романова оказались своевременными, мысль – провидческой. Позже юного Михаила Романова искали многие клеветы Василия Шуйского. Они и в Ростов Великий приходили, шастали в городе и в ростовских монастырях. Но судьбе было угодно уберечь юного князя от происков царя Василия. И Филарет часто повторял: «Благослови душе моя Господа из псалма – так и не забывай всех благодеяний Его».

Но своей судьбы Филарет пока не ведал. Она же приближалась к крутому перелому.

В конце октября, по восьмому году нового века большой отряд поляков из войска Яна Сапеги хитростью ворвался в Тверь, разорил ее, взял в плен архиепископа Тверского Феоктиста и двинулся на Ярославль. В пути к отряду поляков пристали повстанцы Переяславля-Залесского и побудили поляков взять Ростов Великий. Сами они издавна враждовали с ростовчанами, якобы из-за того, что в былые времена они перехватили у переяславцев княжескую власть в крае.

Переяславцы привели поляков к Ростову Великому и сказали им: «Живут тут просто, городу оберегания нет». Так оно и было. Враги ворвались в город без труда. Жители города к тому часу почти все убежали из домов, спрятались в лесах, ушли в Ярославль. А те, кто не

смог уйти от врагов, скрылись в Успенском соборе, уповая на Господа Бога и на митрополита Филарета. Поляки погуляли по домам, по палатам, ограбили их и после обложили Успенский собор. Они притащили тараны и после многих попыток вышибли железные ворота, ворвались в храм. И началась резня беззащитных женщин, детей, стариков.

Митрополит Филарет, который готовился вместе с ростовчанами предать себя огню, не успел свершить сей подвиг. Но, подняв в руке тяжелый медный шандал, смело пошел на врагов, призывая остановить разбой и кровопролитие. Но польские воины скопом навалились на митрополита, вырвали из его рук шандал и вытащили из собора. На паперти с него сорвали святительские одежды, лихой гусар стащил сапоги. Над Филаретом поставили конных воинов и велели гнать его в Тушино, дабы публично казнить вместе с архиепископом Феокистом.

Стоял ноябрь, шел густой и мокрый снег. Конвой двигался по дороге, разбитой повозками и конскими копытами, грязь, смешанная со снегом, доходила Филарету до щиколоток. Митрополит страдал от холода, от болей в замерзающих ногах, все тело его постепенно коченело. Но он шел мужественно и не просил милости у врагов. Его гнали весь день и вечер. Лишь к ночи поляки остановились в какой-то разоренной деревушке. Филарета затолкнули в пустой хлев, заперли. Ночь была ужасной. Остатки одежды на Филарете были мокрыми, а к ночи, когда ударил мороз, замерзли, и сам он постепенно замерзал. Кой-как прикрывшись старой соломой, Филарет вознес к Всевышнему молитву о спасении, постепенно согрелся и обрел спокойствие и веру в то, что ужасы не будут длиться вечно.

И ранним утром в судьбе Филарета произошли перемены. Переяславцы, возвращаясь из Ростова Великого домой с награбленным добром, тоже остановились в деревне. Они же и сказали полякам, что тот, кого гонят босым в Тушино, приходится царю Дмитрию тушинскому двоюродным братом, и попросили оказать ему честь. Переяславцы дали для Филарета старый козух, татарскую меховую шапку, казацкие сапоги и штаны. Филарета одели, посадили в сани и повезли дальше.

Все, что случилось с митрополитом Филаретом в последующие дни и недели, напоминало ему затянувшийся кошмарный сон. Его словно опутали колдовскими мерзостями. События, которые водоворотом захватили Филарета, трудно было пересказать. Одно хорошо врезалось в его память, это то, как он заболел. На другой день после того, как его прогнали десятки верст босым по снегу, он ощутил в теле опаляющий жар, его лихорадило так, что тряслось все тело, а голова раскалилась, словно ее держали на огне. Потом он впал в забытие, и к нему пришло явление. Пред ним появился некий дьяк именем Андрон, нарядил его в святительские одежды, посадил в карету, запряженную в четверку резвых коней, и лихо помчал в Тушино. Там же, у «царского дворца» будто бы его встречал сам Лжедмитрий II, и была при нем огромная свита, бояр, дворян, служилых дьяков и архиереев разного чина. Когда кони остановились у крыльца, царская свита закричала что-то величальное. А он, Филарет, вместо того чтобы отвечать на приветствия, будто бы схватил конскую бадью и взялся поливать всех водой. Тут и сродникам досталось, князьям Черкасским, Трубецким, Троекуровым. И дальним по родству и свойству перепало, коих Филарет никого в лицо не знал. И так Филарет разошелся, что дьяк Федька Андронов, первое лицо у Лжедмитрия, вынужден был самого Филарета поливать холодной водой.

Потом пришли другие видения. Будто бы он беседовал с самим самозванцем. А как он завел беседу о московском патриаршем престоле, проча его, митрополита, в первосвятители, Филарет вновь разбушевался и опрокинул на голову Лжедмитрия жбан с вином. После этого показались Филарету письма на лбу самозванца: «Аз есмь попович Матюшка Веревкин из Стародуба». А пока Филарет читал письма, лжецарь подмигивал ему и говорил: «Ты молчи о том, что прочитал, молчи! Я же тебя на престол посажу, патриархом будешь над христианами». Тут Филарет плюнул в него, а лжецарь успел закрыться талмудом и закричал: «Ратуйте, убивают!»

И явился Федька Андронов, схватил Филарета на руки и прошел с ним сквозь стену в избу, где баба мылась в корыте, и бросил Федька свою ношу в другое корыто с водой, крикнул: «Мойся тут добела». Сам под печкой спрятался. Филарет плескался в теплой воде, а в избу собрались его сродники и запели хором:

Филаретушка, родименький,
Надень митру патриаршую,
Встань-восстань на престол,
Нас лаской-милостью одари.

Пели и охаживали. Из корыта достали, холстом окутали, а поверх холста святительские одежды натянули. И митру надели, и панагию на грудь повесили, посох святого Петра в руку вложили и повели в церковь Святой Троицы. Там на трон усадили, и священник, ликом на Федьку Андропова похожий, молитву зачал из триоди постной «В неделю мытаря и фарисея». «Твоими молитвами, Богородице, избави мя от всякие нечистоты». Филарет извернулся и пнул Федьку ногой. «Не богохульствуй!» – крикнул он, сам с трона во тьму полетел.

В кошмарах и во тьме беспамятства Филарет провалился на топчане в деревенской избе несколько дней. Его зять, князь Юрий Трубецкой, и князь Иван Катырев-Ростовский все эти дни провели близ постели больного, лечили как могли, в баню носили, через хомут пропускали, бесов березовыми вениками изгоняли. Они пытались увезти его из Тушина в костромскую вотчину, но им не удалось убежать. Все тот же вездесущий Федька Андронов оказался недреманным оком и в самый последний момент пресек побег и поставил возле избы, где лежал Филарет, стражу.

Время и могучий организм Филарета сделали свое дело, он пошел на поправку. Ему больше не досаждали кошмары, но то, что случилось с ним наяву во время кошмаров, оказалось страшнее их. Пребывая в бессознательном состоянии, он дал уговорить себя стать патриархом. И волею Лжедмитрия был наречен первосвятителем всея Руси. И теперь он для кого-то – глава Русской Православной Церкви. На самом же деле лишь лжепатриарх.

Осмыслив все, что с ним случилось, Филарет упал духом и готов был на отчаянный греховный шаг. И чтобы смыть позор лжепатриаршества, решил предать себя смерти, ежели не удастся убежать из Тушина. Но то и другое было исполнить трудно. Грустно и смешно было Филарету оттого, что он, патриарх, находился под надзором дьяка Федьки Андропова и его недреманных стражей. И тогда Филарет положился на волю Божию и с усердием читал молитвы. И спасительная сила молитв вернула ему жажду борьбы.

– Господи, приношу себя в жертву Тебе! Нет у меня желанья, кроме желанья исполнить волю Твою, Создателю и Спасителю, сокруша разженные стрелы лукавого, отторгающие нас от Тебя!

Когда же наступило душевное облегчение, он подумал: «Видимо, так Господу Богу угодно. Он что ни делает, все к лучшему». И Филарет приступил к первосвященническим делам. Он написал грамоты в епархии, которые волею Лжедмитрия II отошли от московского патриаршего престола, и призывал к укреплению Христовой веры, просил иереев вселить в верующих надежду на скорое замирение в державе. В своих грамотах Филарет ни в чем не способствовал самозванцу, не шел против патриарха Гермогена. Филарет был уверен, что его грамоты дойдут до первосвященника и он поймет их, как должно понять.

А дела в тушинском лагере обострились. И все по той причине, что поляки всюду начали терпеть неудачи и урон в войске. Насмерть стояла Троице-Сергиева лавра. Архимандрит Дионисий сам не сходил с монастырских стен, стрелял во врагов, а случалось, брал в руки саблю, но больше творил крестом и словом, вдохновляя защитников.

Жители северных городов перестали платить полякам дань. И первыми воспротивились иноземцам горожане Устюжины Железнопольской. За ними встали белоозерцы. Сопротивлялись полякам даже деревенские общины, кольями прогоняли заготовителей скота и хлеба. Жители села Загорье, ведомые атаманом Лапшой, построили за селом крепостицу и вступили в бой с отрядом гетмана Лисовского. Один за другим уходили из-под власти самозванца города Вологда, Галич, Кашин, Старицы. Все эти вести Филарет получал из первых рук, от тех, кто приходил в Тушино и по заведенному Филаретом порядку приходил к нему на исповедь. Филарет старательно собирал вести о всем, что происходило в ближних от Москвы областях. Он строго наказывал своим сродникам делать то же самое. Филарет считал, что в будущей открытой борьбе с самозванцем хорошее знание событий в державе сыграет свою роль.

Вскоре Филарет узнал об осаде Сигизмундом III Смоленска и послал смолянам грамоту, в коей воодушевлял их на борьбу и стойкость, кою проявляли иноки Троице-Сергиевой лавры. Чуть позже судьбе было угодно поставить Филарета во главе великого посольства, с которым он ушел под Смоленск, на переговоры с Сигизмундом.

В польском лагере были недовольны действиями Филарета. Гетманы Ян Сапега и Лисовский требовали заточить его в тюрьму. В меньшей степени гетманы были недовольны и действиями своего короля. И неспроста. Ян Сапега сам готовился к захвату Смоленска. Усвятский староста рассчитывал вернуть Смоленщину себе, которая одно время принадлежала ему. В тушинском лагере страсти бушевали все сильнее. В эту пору главнокомандующим у лжецаря был гетман Рожинский. Он обращался с самозванцем как с холопом.

– Ты сидишь на троне нашей волей. И не перечь нам, пока терпим тебя, – твердил Рожинский каждый раз, когда Лжедмитрий пытался упрекнуть поляков за разбой в державе.

Среди польских гетманов согласия тоже не было. Ян Сапега, заметив, что Рожинский пытается перехватить у него власть, не мешкая ускакал его в лагерь к Сигизмунду.

– Пойдешь и скажешь королю, чтобы дал тебе войско. И ты пойдешь в Ярославль, освободишь из плена Юрия и Марину Мнишек. Еще потребуешь от короля жалованья за все годы пребывания нас в России.

– Помилуй, ясновельможный гетман, откуда королю взять почти восемь миллионов золотых рублей. Самим нужно добывать золото, оно рядом. Потому говорю: пора идти воевать Москву, – возразил гетман Рожинский. Он был бледен, остронос, и в маленьких серых глазах светился лихорадочный огонь.

– Вот даст король войско, и возьмешь столицу, – ответил гетман Ян Сапега. – Еще к доктору сходи, болен ты, – посоветовал староста.

Гетман Рожинский вынужден был уехать под Смоленск, да и не вернулся оттуда, потому как король Сигизмунд приласкал гетмана, дал ему большое жалованье и поручил вести осаду Смоленска.

Филарет молил Господа Бога о том, чтобы Он неовратно углублял распри в польском стане. Да все больше недоумевал и гневался на то, что царь Василий Шуйский поддерживал с королем Сигизмундом добрые отношения, заискивал перед ним. Странно, но Шуйский прислушался к советам Сигизмунда не вступать в сговор со шведами. А ведь помощь шведов нужна была России как раз для борьбы с поляками. За это польский король обещал русскому царю добиться замирения тушинцев с москвитянами и чтить истинную православную веру.

Коварные замыслы и происки короля Сигизмунда раскрыл патриарх Гермоген. Он действовал решительно и добился полного развала тушинского лагеря. В своих грамотах, которые приносили в Тушино священнослужители, он призывал истинных христиан к борьбе против засилия католиков. Грамоты возымели действие на многих московских вельмож. Они покидали самозванца. Филарет тайно благословлял их. А всех своих сродников изгонял из Тушина гневным словом.

И пришло время, когда из русских близ Лжедмитрия II остались только несколько сотен казаков во главе с атаманом Иваном Заруцким да проныры, нравом близкие к дьяку Федьке Андронову, которому выпала судьба испить до дна горькую чашу разочарований в своем кумире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.